Министерство высшего
и среднего специального
образования СССР
Научно-технический совет
Секция народонаселения

MOLODAIA SEM'IA

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

Выпуск 18

МОСКВА
«СТАТИСТИКА»
1977

312
М75

М75 **Молодая семья.** Вып. 18. М., «Статистика», 1977.

96 с. с ил. (Народонаселение).

Авторы статей рассматривают семью как важный социальный институт общества, анализируют экономические, моральные, этические, социально-психологические и другие стороны жизни молодой семьи.

В сборнике рассматриваются пути формирования молодой семьи, роль и значение детей в семейной жизни, а также факторы, способствующие устойчивости брака.

Сборник представит интерес для социологов, демографов, экономистов, психологов, медиков и для широкого круга читателей.

М $\frac{10805-083}{008(01)-77}$ 58-77 312

Б. Урланис

СЕМЬЯ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

Семья — основная ячейка нашего общества — является объектом изучения разных наук. Социология рассматривает ее в качестве важнейшего социального института, выполняющего жизненно необходимые для общества функции, социальная психология — как малую социальную группу, устойчивость которой зависит от взаимоотношений ее членов. Юриспруденция исследует правовые нормы отношений и обязательств членов семьи. Семья также интересует экономистов, ученых-медиков, она — объект пристального внимания педагогики. Немалую роль в ее изучении играет и демография, для которой семья является тем элементом, совокупность которых образует основной массив народонаселения той или иной территории.

Проблемы семьи в определенном смысле глобальны, ими занимаются социологи капиталистических стран, освещая их через свою классовую призму применяемой методологии. Не вдаваясь в рассмотрение этого вопроса, заметим только, что общий кризис капиталистического общества, его морали серьезно коснулся и семьи. Так, американский социолог О. Тоффлер в нашумевшей и неоднократно переиздававшейся книге «Столкновение с будущим» (1970 г.) пророчит семье гибель. «Семья вот-вот совершенно исчезнет», — пишет его соотечественник и коллега Д. Ландберг, автор книги «Трансформация грядущего».

Подобные утверждения не единичны. Они в известной мере отражают положение, наблюдавшееся сейчас в ряде капиталистических стран. Например, в Дании фолькетинг обсуждал вопрос о легализации группового брака, который ведет к возникновению некоей семьи «корпоративного типа». В этой стране, а также в Швеции, Норвегии, Швейцарии и некоторых других капиталистических странах отмечается падение числа зарегистрированных браков, снижение коэффициента

брачности в среднем с 9 до 6‰, причем в Швеции он упал в 1973 г. до 4,7‰.

Конечно, только на основе коэффициента брачности нельзя делать далеко идущие выводы о будущем семьи в капиталистическом обществе. Нельзя сводить и оценку зарубежной литературой этого будущего только к приведенным выше утверждениям. Существуют и диаметрально противоположные взгляды, согласно которым семья не только не исчезает, а укрепляется, приближаясь к своему «золотому веку». Примечательна мотивировка этого положения, так отражающая кризис современного буржуазного общества: семья не исчезнет, ибо она — «гигантский глушитель шоков, наносимых обществом. Это место, куда возвращается духовно израненный и измученный человек после борьбы за существование во внешнем мире».

У советских ученых принципиально иной подход, и изучают они принципиально отличную от буржуазной социалистическую семью[1]. Задача этого многостороннего изучения[2] ясна: всемерно укреплять советскую семью, развивать ее социалистические устои. Этой задаче подчинены и исследования семьи советскими демографами, которые при этом постоянно учитывают замечание Ф. Энгельса о том, что семья характеризует одну из сторон производства и воспроизводства непосредственной жизни[3].

---

[1] См.: *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1964; Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970; *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971; *Васильева Э. К.* Семья и ее функции. М., 1975; *Белова В. А.* Число детей в семье. М., 1975; *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М., 1975.

[2] Многостороннее изучение подразумевает, очевидно, не только различные аспекты, в которых рассматривает семью та или иная наука, но и определенное подразделение проблематики: формирование брачных отношений, молодая семья, продолжительность супружеских отношений и т. д. Молодая семья в некоторой степени фокусирует эту проблематику и, отметим, несколько забегая вперед, представляет наибольший интерес для демографии, так как она наиболее перспективна с точки зрения воспроизводства населения. Научного определения понятия «молодая семья» пока нет. Под ней, вероятно, надо прежде всего понимать супружеские отношения молодых людей в первые 5 лет совместной жизни. (В данном сборнике авторы статей вкладывают различный смысл в понятие «молодая семья», устанавливают различные пределы длительности брака и возраста молодых супругов. — *Прим. ред.)*

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 25.

Каковы же задачи демографии в изучении семьи? Прежде всего возникает необходимость в определении самого понятия семьи в демографическом аспекте. В демографической статистике под семьей понимается объединенная узами родства группа лиц, совместно проживающих и имеющих общий бюджет[1]. Изучение семьи означает определенное отношение к основным процессам так называемого естественного движения населения. Так, говоря о рождаемости, необходимо установить *оптимизацию* ее уровня, в отношении смертности следует, разумеется, говорить о ее *минимизации*, а относительно брачности, наоборот, о ее *максимизации*, в отношении же разводимости — о ее наиболее рациональном уровне.

В чем состоит оптимизация уровня рождаемости? Она заключается в том, чтобы число детей в семье было не очень малым, но и не очень большим, т. е. оптимальным. Известно, что в СССР многодетные семьи окружены большим вниманием. Это делается главным образом для того, чтобы оказывать всемерную помощь матерям с большим количеством детей, так как без такой помощи трудно осуществить их воспитание. Вместе с тем нельзя отрицать, что для работающей советской женщины многодетность часто является помехой в развитии ее способностей и образования, труде, общественной деятельности, продвижении по службе. Поэтому многодетность не следует рассматривать как идеал в жизни современной женщины.

В то же время и однодетная семья не может быть признана полноценной как с точки зрения интересов родителей, так и с точки зрения интересов общества. В ней господствует чрезмерная боязнь за судьбу единственного ребенка, который занимает положение «светила», вокруг которого вращаются все «планеты»: мать,

---

[1] Последний признак — общий бюджет — иногда вызывает трудности при определении границ семьи. Бюджет следует считать общим лишь в тех случаях, когда его преобладающая часть проходит через каналы, общие для семьи в целом. Уточнение роли бюджета особенно важно в тех случаях, когда в одной квартире живут две семьи — родители и молодожены. Если молодая семья ведет свое хозяйство и только участвует в оплате коммунальных услуг, то налицо две семьи, а не одна, так как каждая из них находится на «самостоятельном балансе» и лишь в незначительной части их бюджет является общим.

отец, тети, бабушки и т. д., что создает почву для воспитания в нем эгоизма или, еще того хуже, эгоцентризма.

Для общества однодетность означает стремительное вымирание в относительно короткие сроки. Действительно, если двое родителей будут производить на свет всего одного ребенка, то уже чуть ли не через одно поколение численность населения начнет быстро сокращаться. На это следует обратить самое серьезное внимание, так как однодетность получает все более широкое распространение у нас в стране.

В сентябре 1972 г. ЦСУ СССР было обследовано 310 тыс. семей рабочих, служащих и колхозников, живущих в различных районах СССР. По числу детей до 16 лет они распределялись следующим образом:

Таблица 1

Распределение семей рабочих, служащих и колхозников по числу детей, %

Число детей	Семьи рабочих и служащих	Семьи колхозников
1	53	35
2	33	31
3	8	16
4	3	8
5 и более	3	10
Итого	100	100

Источник. Женщины в СССР. М., 1975, с. 92, 96.

Таким образом, свыше половины обследованных семей рабочих и служащих имели по одному ребенку. Среди колхозников таких семей было тоже очень много — 1/3. Конечно, надо учесть, что в состав обследованных вошли и молодые семьи, которые еще не успели обзавестись вторым ребенком. Но даже с учетом этого распространение однодетности противоречит интересам общества в целом и интересам самой семьи.

Нельзя не обратить внимание и на то, что неравномерность в уровне детности, если рассматривать ее по союзным республикам, очень значительна. По данным

этого же обследования семьи рабочих и служащих, в которых было трое и более детей, в городском населении РСФСР составляли всего 5,5%, а в городском населении УССР этот процент был еще ниже — 3,9%. В то же время среди городского населения Узбекистана таких семей было 33,6%, т. е. почти в 6—10 раз больше, чем в РСФСР и УССР.

С демографической точки зрения наличие двух детей недостаточно для того, чтобы родители подготовили своих «заместителей». Ведь детская смертность, пусть невысокая, но все еще существует. Кроме того, некоторая часть населения, как известно, не обзаводится семьей, а из тех, кто имели ее, какая-то часть оказывается бесплодной, к тому же некоторые супруги вообще отказываются от детей.

Если все это учесть, то в среднем по нашим подсчетам на 100 брачных пар, имеющих детей, должно приходиться 258 детей. И это только для простого замещения родителей! Если же мы ставим перед собой задачу обеспечить хотя бы небольшой рост населения, то речь должна идти о том, чтобы каждые 100 «эффективных» брачных пар имели бы 300 детей. В таком случае семья должна быть не однодетной или двудетной, а трехдетной.

Между тем трех детей имеет малое количество брачных пар. Многие женщины (в Латвии — 46,8%, в Москве — 40%) при проведении специальных обследований ответили, что ни при каких условиях не родят третьего ребенка[1]. Трехдетность имеет в основных районах СССР незначительное распространение, что ставит на очередь вопрос о необходимости принятия особых мер для стимулирования рождения третьего ребенка, ибо только именно он обеспечивает сочетание интересов семьи с интересами общества. Третий ребенок совсем не «третий лишний», как это бывает в известной детской игре, а является третьим «решающим», так как именно он обеспечивает расширенное воспроизводство населения. Между тем общественное мнение совсем не настроено в пользу третьего ребенка, и пропаганда за трехдетность пока еще не ведется.

---

[1] См., например: *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости М., 1973, с. 130; Развитие населения (Народонаселение). М., 1974, с. 71.

Помимо вопроса о числе детей возникает вопрос о том, когда их иметь: сразу после вступления в брак или же некоторое время спустя. Здесь важно отметить, что среди молодых семей нередко распространена такая точка зрения: сначала «пожить для себя», а потом уже иметь детей. Подобная «установка» ошибочна. Во-первых, женщина в молодые годы рожает более здоровых детей, так как супруги с возрастом приобретают разные болезни, наличие которых может отразиться на «качестве» потомства. Во-вторых, желание «пожить для себя» фактически оборачивается тем, что женщина «живет против себя», так как радости брака она в большей степени испытывает именно после рождения детей, а не до их появления. В-третьих, откладывая рождение детей, женщина уменьшает для себя возможность иметь второго и третьего ребенка.

Отрадно, что сейчас подавляющее большинство наших молодых семей не практикует откладывание рождения первого ребенка и производит его на свет в самые первые годы брачной жизни. Об этом можно судить на основе следующих сопоставлений:

Таблица 2

Число женщин в СССР, вступивших в брак в 1973 г., и число женщин, родивших первого ребенка в 1974 г.

Возраст женщины	Число женщин, тыс.	
	вступивших в брак в 1973 г.	родивших первого ребенка в 1974 г.
До 20 лет	680	387
20—24 года	1 177	1 240*
25—29 лет	245	304*
Итого	2 102	1 931

* Число родивших первых детей несколько больше числа вступивших в брак в предыдущем году из-за «вклада» браков предшествующих лет. Источник. «Вестник статистики», 1974, № 12, с. 89; 1975, № 12, с. 79.

На основании этих данных можно подсчитать, что только примерно 10% всех новобрачных отложили рождение ребенка[1]; протогенетический интервал, таким образом, для основной массы молодоженов является очень небольшим.

[1] Если учесть естественное бесплодие некоторой части женщин, то этот процент будет меньше.

При рождении второго ребенка возникает задача определения оптимального интергенетического интервала, который не должен быть очень длинным. Учитывая период кормления и второй беременности, он в среднем приближается к двум годам. Если считать целесообразным предоставление некоторого отдыха матери, то этот интервал может быть увеличен до трех лет. Более значительные сроки не целесообразны с точки зрения трудовой активности женщины. Однако сокращение интергенетического интервала далеко не всеми практикуется. Схематически это можно представить в следующих графиках (рис. 1).

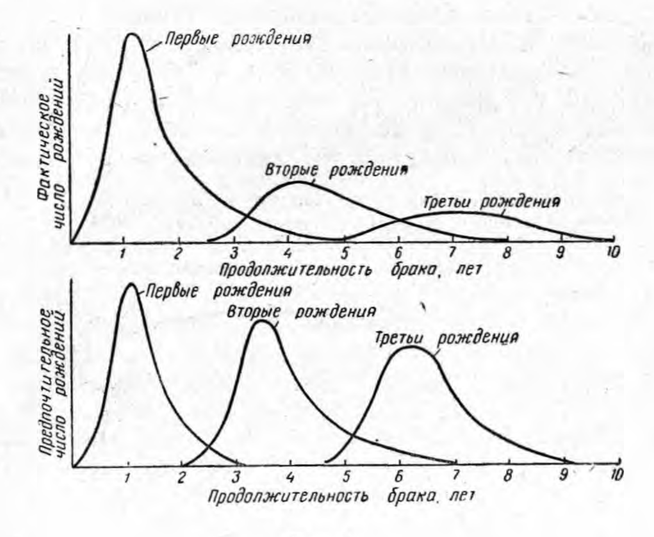

Рис. 1

Переходя к вопросу о необходимости максимизации уровня брачности с учетом естественных ограничений его, следует прежде всего отметить, что этот уровень в СССР резко различается по полу: у мужчин он значительно выше, чем у женщин, что объясняется перевесом женщин в составе населения страны.

Год переписи	Уровень брачности в СССР, %	
	мужчин старше 16 лет, состоящих в браке	женщин старше 16 лет, состоящих в браке
1959	69,5	52,2
1970	72,2	58,0

Уровень брачности за 1959—1969 гг. повысился как у мужчин, так и у женщин. Однако, принимая возрастной ценз в 16 лет, мы получаем преуменьшение уровня брачности из-за влияния молодых возрастов, подавляющая часть которых в браке не состоит. Если взять возрастную границу не в 16 лет, а в 20 лет, то удельный вес женатых увеличится до 80%, а удельный вес замужних — до 62%.

В возрастном разрезе уровень брачности у мужчин и женщин обнаруживает существенные различия. В самых молодых возрастах уровень брачности у женщин выше, чем у мужчин. Примерно к 30 годам мужчины «догоняют» по этому показателю женщин, а потом и перегоняют их. Это видно из следующего графика (по данным 1970 г.):

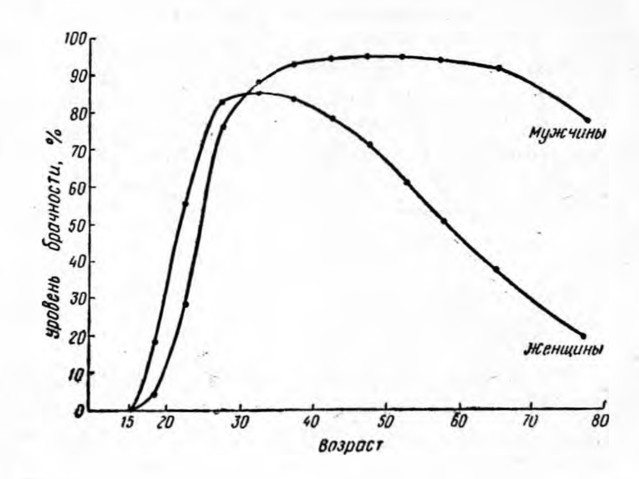

Рис. 2

В зрелые годы уровень брачности у мужчин довольно значителен, достигая 93—95%. Но это не означает невозможности повышения уровня брачности в предшествующем возрасте 25—29 лет, т. е. когда мужчина уже отслужил в армии, получил образование, приобрел профессию. Только $^3/_4$ мужчин этой возрастной группы по переписи населения 1970 г. состоят в браке.

Приведенные данные показывают, что «ресурсы» свободных мужчин резко меняются с возрастом. Если взять материалы переписи 1970 г., то они показывают, что в возрасте 20—24 лет наблюдается значительное преобладание неженатых над незамужними (6 млн. свободных от брака мужчин в этом возрасте противостоят 4 млн. свободных женщин). В возрасте 25—34 лет число свободных мужчин (2,8 млн.) одинаково с числом свободных женщин. В возрасте 35—44 лет картина резко меняется: 1 млн. свободных мужчин противостоит 4,5 млн. свободных женщин. Такого рода диспропорция возникла отчасти в результате повышенной смертности мужчин, а также вследствие «конкуренции» молодых женщин, вступающих в брак с мужчинами из другой, более старшей возрастной группы.

Средний процент брачности у мужчин старше 20 лет равен, как уже указывалось, в нашей стране 80%. А это означает, что в молодые годы значительная часть мужчин проводит свою жизнь в одиночестве, что в ряде случаев имеет отрицательные социальные последствия. Не имея семьи, молодой человек гораздо скорее может поскользнуться на жизненном пути, пристраститься к алкоголю, совершить правонарушение. Семья — мощный стабилизатор социального напряжения. И следует признать положительным, что за последние годы средний брачный возраст значительно снизился.

Средний брачный возраст в СССР

	1966 г.	1974 г.
Мужчины	29,3	25,1
Женщины	27,2	23,4

Источник. «Вестник статистики», 1967, № 11, с. 94; 1975, № 12, с. 89.

Оптимальными сроками вступления в брак можно считать 22—24-летний возраст для женихов и 20—22-летний — для невест. Если это время приходится на годы учения, то целесообразно, по нашему мнению, вся-

чески способствовать созданию условий для сочетания семейной жизни и прежде всего материнства с получением образования.

Снижения брачного возраста можно достичь также путем создания более благоприятных условий для встреч и знакомств будущих супругов. В этой связи, по нашему мнению, надо всячески приветствовать появившиеся в печати предложения об организации «службы брака»[1]. Ее организация поможет уменьшить для молодежи период одиночества.

Разводы, выражающие собой крушение брачного союза, являются в принципе отрицательным явлением. Но было бы поспешным ставить вопрос о необходимости иметь уровень разводимости минимальным. В данном случае правильнее говорить не о минимизации, а о рациональном уровне. Минимальный уровень разводимости наблюдается в тех случаях, когда разводы запрещены законом и допускаются только в крайних, исключительных случаях. Так было, например, в дореволюционной России, где в 1913 г. было всего 5 тыс. разводов (0,03 развода на 1000 жителей). Установка на минимизацию уровня разводимости только затрудняет жизнь членов семьи. Еще Ф. Энгельс отмечал, раз чувство иссякло, «развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества»[2]. Конечно, нельзя не видеть неблагоприятные стороны расторжения брака, особенно отрицательны его последствия для детей. Однако какой-то умеренный уровень разводимости в стране должен быть. За последние годы динамика коэффициента разводимости в СССР выражалась в следующих цифрах[3]:

Год	Коэффициент разводимости
1969	2,56
1970	2,62
1971	2,63
1972	2,64
1973	2,78
1974	2,92
1975	3,08

[1] Более подробно о «службе брака» см. статью М. Сонина в настоящем сборнике.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 85.

[3] Рассчитано по: «Вестник статистики», 1976, № 11, с. 89; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975, с. 7, 48.

Рост коэффициента разводимости, хотя и наблюдается, но в небольших размерах. Кстати, отметим, что в США он значительно выше и равен 4,35. Все же надо отметить, что уровень разводимости в СССР выше, чем в европейских социалистических странах, и надо стремиться к его снижению, хотя брачные узы не должны превращаться в цепи, как это имеет место в тех странах, где разводы запрещены законом.

Снижение уровня разводимости необходимо также и потому, что большое количество разводов приходится на семьи, в которых есть дети. 4/5 всех разводов совершается супругами, продолжительность брака которых выше трех лет. Так как ребенок в большинстве случаев рождается в первые три года брака, то получается, что ежегодно около 500 тыс. детей лишаются повседневного внимания отца (порой — матери), что не может не отразиться на качестве воспитания нового поколения. Поэтому актуальность борьбы за сокращение уровня разводимости не теряет значения.

Чтобы обеспечить снижение уровня разводимости, следует лучше анализировать генезис разводов. Обычно при этом исследователи часто ограничиваются изучением таких мотивов, как несходство характеров, измена, утрата чувства, пьянство мужа и т. д. Между тем разводы нужно изучать в аспекте социальных, экономических, медицинских, психологических, этнических и других факторов. Строгий учет факторов в сочетании с анализом мотивации может дать ценные сведения для решения задачи сближения существующего уровня разводимости с тем уровнем, который можно считать неизбежным.

Необходима также лучшая организация соответствующего статистического наблюдения и измерения. Коэффициент разводимости, исчисленный на основе соотношения между числом разводов и численностью населения, является весьма грубым показателем, так как он не принимает во внимание ни число брачных пар в стране, ни возрастной состав населения. Соотношение числа браков с числом разводов также дает очень приближенную картину, так как разводы данного года вовсе не являются «продуктом» заключенных в данном году браков.

Правильный научно обоснованный показатель уровня разводимости может быть установлен только при группировке браков и разводов по годам заключения браков. Соотношение между заключенными браками в одном году и расторгнутыми браками из этой же когорты в другие годы может дать правильное представление об уровне распада браков, заключенных в определенном году. Однако для того, чтобы получить полную картину распада брачных союзов, надо еще учесть, что значительное количество случаев прекращения брака происходит вследствие смерти одного из супругов.

При анализе динамики брачности той или иной когорты существенное значение имеет определение продолжительности периода полураспада брака. Если проследить за 1000 заключенными в определенном году браками и установить период, на протяжении которого из этой совокупности осталось 500, то этот период и будет периодом полураспада браков данной когорты. Эта величина отразит среднюю медианную продолжительность браков. Анализ периода полураспада брака по отдельным когортам и различным районам может дать много ценного и полезного для изучения факторов, способствующих сохранению и укреплению семьи.

Естественно, что в пределах небольшой статьи были рассмотрены только некоторые вопросы демографического аспекта процессов, протекающих в семье. Дальнейшее более широкое, детальное и глубокое изучение этих вопросов будет способствовать укреплению советской семьи.

А. Антонов

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЬИ

Семья изменяется в ходе истории — изменяются ее формы, способы взаимодействия со средой, разнообразные функции, выполняемые семьей в обществе. Для современной семьи малодетность становится все более определяющей характеристикой.

О широте распространения малодетной семьи с одним и двумя детьми можно судить по данным переписи 1970 г. Семьи, практически закончившие свое формирование (где возраст матери в пределах 35—39 лет), с тремя и более детьми в целом по стране составляли примерно 30%, а остальные распределились следующим образом: бездетные — 5%, однодетные — 25%, двудетные — 40%. Среди же городского населения страны малодетных семей еще больше: бездетных — 7%, однодетных — 31%, двудетных — 45%, трехдетных и более — всего 17%[1]. Эти показатели складываются из данных, сильно различающихся по союзным республикам: так, в Латвии среди горожан семей с тремя и более детьми лишь 7%, тогда как в городах Таджикистана их в 8 раз больше — 54%[2].

Малодетность свойственна в основном молодой семье[3] — только 5% молодых семей городского населения страны имеют третьего и более ребенка[4]. Сопоставление молодых семей с семьями, закончившими свое

---

[1] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. М., 1974, с. 380—381.

[2] *Там же,* с. 380—393.

[3] Под «молодой семьей» здесь понимается семья со стажем брака до 5 лет и возрастом жены (супругов) не выше 30 лет. По данным переписи 1970 г. можно определять удельный вес молодых семей лишь по возрасту жены.

[4] Доля молодых семей по стране в целом составляет примерно 18% (Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII, с. 380—393).

демографическое формирование, по числу детей[1] показывает, что потребность семьи в детях в основном — на 56% — реализуется в первые годы брака. Среди городского населения страны 18% молодых семей являются бездетными, 57% — однодетными, 20% — двудетными и 5% — трехдетными и более. Из них (за исключением 7% супружеских пар, которые останутся, как отмечалось выше, бездетными) полностью уже реализовали потребность в одном ребенке 31%, почти наполовину — в двух детях и на треть — в трех и более детях[2].

Таким образом, невозможно обсуждать различные проблемы молодой семьи, не учитывая при этом ее специфики как преимущественно малодетной семьи[3].

Малодетная семья является разновидностью так называемой нуклеарной семьи, состоящей из супружеских пар и их детей. Нуклеарная семья образует основной элемент расширенной семьи, преобладавшей в прошлом и насчитывавшей более двух поколений: в нее включаются родители супругов, а также нуклеарные семьи взрослых детей и родственники. На наш взгляд, процесс нуклеаризации семьи — прежде всего обративший на себя внимание ученых — является частью общего процесса изменения семьи как социального института (в ходе социально-экономического развития, индустриализации и урбанизации), связанного с отмиранием многодетной семьи.

Распространение малодетной семьи не является неизбежным следствием отмирания многодетной семьи, это явление связано с целым рядом особенностей, которые обсуждаются в специальной литературе[4]. При этом необходимо отметить, что процессу перехода к малодетности в условиях социалистического общества особенно

---

[1] Здесь условно число детей в семьях, закончивших свое формирование, берется как показатель потребности семьи в детях, причем потребность в детях молодых поколений принимается равной потребности старших поколений.

[2] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII, с. 380—393.

[3] Например, в Латвии молодая семья на 98,5% является малодетной и бездетной, в Таджикистане среди горожан — на 78% (*там же*).

[4] См., например: *Антонов А. И.* Репродуктивные установки и их изучение. — В кн.: Демографическая ситуация в СССР. М., 1976; *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976.

свойственна помощь, оказываемая семье со стороны общественных институтов в отношении содержания, образования и воспитания детей, в охране здоровья и социальном обеспечении членов семьи, в организации домашнего хозяйства, быта, потребления и досуга.

Наряду с коренным изменением положения женщины в обществе и семье при социализме разрушается частнособственническая основа брачно-семейных отношений, так как отпадает функция накопления частной собственности и ее передачи по наследству, и семья окончательно становится хозяйственно-потребительской, а не производственно-экономической ячейкой. Все эти и многие другие черты происшедших социально-экономических изменений нашли свое отражение и в структуре семьи, которая не исчерпывается строением по полу, возрасту и числу членов, а характеризуется также и изменением организации внутрисемейных отношений и действий, ценностей и целей.

Изменилась при этом и вся система потребностей семьи, в том числе произошло ослабление потребности семьи в детях, так как ведущими мотивами рождения детей перестали быть экономические мотивы, уступив эту роль психологическим мотивам. Для полного удовлетворения подобным образом изменившейся потребности в детях достаточно в принципе и одного ребенка, и поэтому только усиление экономических и социальных побуждений к рождению детей (не происходящее автоматически по мере социально-экономического прогресса) в рамках демографической политики способно остановить наблюдающееся сокращение рождаемости.

Увеличение доли малодетных семей, особенно заметное сейчас в городах среди мобильного в социальном отношении населения, связано с уменьшением размера семьи — важнейшего параметра семьи как малой социальной группы, как первичного коллектива. Уменьшение этого размера, обусловленное в настоящее время в основном уменьшением числа детей в семье, затрагивает все стороны жизнедеятельности семьи. Последствия подобного изменения семейной структуры должны научно оцениваться прежде всего с точки зрения эффективности семьи в деле реализации основных функций по рождению, содержанию и воспитанию детей, а также с точки зрения устойчивости брака и семьи.

2 Заказ 1426

Комплексный социологический анализ позволяет дать негативную оценку качественному видоизменению отношений между супругами, между родителями и детьми и тому психологическому «климату», который складывается в результате уменьшения числа детей в семье. Однако эти отрицательные последствия не столь очевидны, зачастую с трудом осознаются людьми или же вовсе не поддаются осознанию в повседневной жизни. Поэтому обычно относятся к ним, как к чему-то случайному, исключительному и временному; все это затрудняет научное исследование происходящих изменений внутрисемейной организации. К тому же «малодетный» образ жизни самих ученых не способствует популярности исследования влияния размера семьи на природу семейных отношений, что выглядит особенно странно на фоне постоянного интереса специалистов к малой группе и ее размеру.

Воздействие размера семьи (взятое по числу детей) на процессы внутрисемейной организации изучалось в основном на примере многодетных семей с пятью и более детьми в буржуазном обществе. Работы Дж. Боссарда, Г. Элдера, Е. Болл и других позволили сделать некоторые частные выводы: 1) с увеличением числа детей в семье растет приспособляемость супругов и их удовлетворенность браком; 2) в больших семьях реже разводы, родители теснее связаны друг с другом; 3) в многодетных семьях чаще встречается «авторитарная» структура отношений, противопоставляемая обычно «демократической»; 4) ведущая роль отца в принятии важнейших семейных решений больше влияет на старших детей, тогда как мать свое эмоциональное воздействие чаще оказывает на младших детей; 5) родители используют строгий контроль, чаще прибегают к физическим наказаниям, предпочитают не объяснять детям принципы своей педагогики, поэтому дети больше опираются на образцы поведения: младшие перенимают их от старших; 6) в многодетных семьях больше возникает экономических затруднений, дети вырастают в среднем с более низкими социальными ориентациями; 7) разнообразие интересов родителей и детей больше в многодетных семьях, и в целом многодетная семья отличается тем огромным значением, которое придается в ней организации жизнедеятельности, главенству в семье, различным аспектам лидерства матери и отца, кооперации и специализации членов семьи, ведущим к их высокой согласованности и взаимозависимости[1].

Особые свойства многодетной семьи как социально-психологической целостности, как сложноорганизованного первичного коллектива могут исчезать при сокращении числа детей в семье вплоть до однодетности. Однако уменьшение размера семьи не приводит однозначно к замене специфических черт больших семей на прямо противоположные. В этом проявляется своеобразие семьи как малой группы, где количественные изменения связаны с возникновением совершенно новых качеств и признаков групповой организации. Обычно к малой группе относят человеческие ассоциации численностью от 3 до 15—20 человек. Социальные психологи считают, что оптимальным размером малой группы в различных областях человеческой деятельности является группа из 5—7 членов, причем этот размер установлен исходя из эффективности действий по достижению общегрупповых целей и из возможностей для каждого члена группы проявить себя, т. е. с учетом степени удовлетворенности индивида данной группой[2].

При определении оптимального размера семьи с точки зрения психологического «климата» в ней и сплоченности семейного коллектива надо учесть специфику семьи как малой группы. Множество малых групп обычно образуется за счет прихода «извне» ее членов, тогда как, по образному выражению польского социолога

---

[1] *Bossard J., Boll E.* The Large Family Sistem. Philadelphia, 1956; *Elder G., Bowermann* Ch. Family Structure and Child-Rearing Patterns: The Effect of Family size and Sex Composition.— «Social Demography», N. Y., 1970.

Следует отметить, что эти данные относятся к семье буржуазной и не могут быть автоматически перенесены на семью социалистическую. Отсутствие аналогичных исследований в нашей стране не позволяет провести сопоставление, однако некоторые из выявленных зависимостей могут наблюдаться и в многодетных семьях советского общества. Отмеченные выше взаимосвязи нельзя расценивать либо только как положительные, либо отрицательные и противопоставлять обсуждаемым ниже негативным особенностям малодетной семьи. Обращение к этим работам буржуазных исследователей вызвано желанием проиллюстрировать некоторые особенности многодетной семьи.

[2] *Hare A. P.* Interpersonal relations in the Small group. — «Handbook of Modern Sociology». Ed. by R. L. Faris. Chicago, 1964, p. 252.

Яна Щепаньского, семья как бы разрастается «изнутри». Вместе с тем семья состоит из двух элементов: родителей и детей. Родители в строгом смысле не образуют сами по себе группы — это пара, которая может либо уменьшиться, либо вовсе исчезнуть. Дети образуют группу, если их три и более. Групповые взаимоотношения среди детей, следовательно, возникают в семьях с 3—4 детьми (среднедетные семьи) и в многодетных семьях с 5 и более детьми.

Многодетная семья богата разнообразными связями в группе детей: между старшими и младшими, между братьями и сестрами, и это имеет большое значение для формирования личности, для подготовки подрастающего поколения к участию в социальной деятельности. Однако наличие группы детей характерно также и для среднедетных семей, которые это свое преимущество, способствующее успеху воспитания коллективистской личности, сочетают с интересами воспроизводства населения. Именно поэтому оптимальный размер малой группы, равный 5—7 членам, может рассматриваться как оптимальный и для семьи, но только с одной поправкой. Надо учесть, что многодетная семья перестала быть объективно необходимой по критерию воспроизводства населения[1], и поэтому следует говорить в связи с этим о семье, состоящей из 5—6 человек (трех-или четырехдетной, т. е. о семье среднедетной).

Во всяком случае, несомненно, что и с демографической точки зрения, и с социально-психологической малодетная семья не является удовлетворительной. Даже в своей самой полной форме она представляет собой группу всего из 4 человек, образованную не из двух групп, а из двух пар — родителей и детей. С формально-количественной точки зрения семья из 4 человек почти не отличается от семьи из 3 человек: число возможных в ней типов социально-коммуникативных связей равно 6 против 5. Потеря качества коллектива,

[1] См., об этом статью Б. Ц. Урланиса в данном сборнике. В настоящее время в нашей стране многодетная семья потеряла свое ведущее значение, доля многодетных семей продолжает уменьшаться, о чем можно судить по падению рождений пятого и более детей с 15,5% в 1965 г. до 12,9% в 1973 г. (см.: Население СССР, 1973. М., 1975, с. 105).

групповой целостности в малодетной семье особенно разительна при сравнении двудетной семьи с трехдетной: число коммуникативных связей с рождением третьего ребенка увеличивается в 2 раза — с 6 до 12[1].

В среднедетной семье больше не только участников взаимодействия, но и больше возможностей для формирования коллектива, а не среды, удобной для сосуществования нескольких индивидов. Уменьшение числа детей в семье приводит к исчезновению детского коллектива, что особенно заметно в однодетной семье и в семье, где велик интервал между рождением первого и второго ребенка (одновременно и семья в целом теряет качества первичного коллектива).

А. С. Макаренко считал уменьшение числа детей в семье «механической» причиной разрушения коллектива ввиду недостаточности физических элементов его, а также в связи с ослаблением «сил сцепления» членов семьи, приводящим к настолько легкой постройке, что она разрушается при первом явлении диспропорции. Он писал: «Теряя признаки коллектива, семья теряет большую часть своего значения, как организация воспитания и счастья. Потеря признаков коллектива происходит различными способами. Одним из самых распространенных является так называемая система единственного ребенка. Даже в самых лучших, самых счастливых случаях, даже в руках талантливых и внимательных родителей воспитание единственного ребенка представляет исключительно трудную задачу»[2].

В среднедетной семье в сравнении с малодетной обширнее «репертуар» внутрисемейных ролей, разнообразнее интересы, многограннее отношения между родителями и детьми, между братьями и сестрами, сыновьями и дочерьми и тем самым между отцом и матерью. На это обстоятельство, как и на некоторые другие, в свое время также обращал внимание А. С. Макаренко, подчеркивая недостатки семьи с двумя родителями и единственным ребенком. «Родители, если бы даже хотели, не могут избавиться от вредного центростремительного угодничества. В подобных случаях только противоестественная слабость родительской любви может

[1] *Shaw M. E.* Group dynamics. N. Y.— Toronto, 1972, p. 139.
[2] *Макаренко А. С.* Книга для родителей. М., 1968, с. 96.

несколько уменьшить опасность, но если эта любовь имеет только нормальные размеры, — дело уже опасно: в этом самом единственном ребенке заключаются все перспективы родительского счастья, потерять его — значит потерять все», поэтому единственность ребенка «...неизбежно приводит к концентрации беспокойства, слепой любви, страха, паники. И в то же время в такой семье нет ничего, что могло бы в том же естественном порядке этому противополагаться. Нет братьев и сестер — ни старших, ни младших, — нет, следовательно, ни опыта заботы, ни опыта игры, любви и помощи, ни подражания, ни уважения, нет, наконец, опыта распределения общей радости и общего напряжения — просто ничего нет, даже обыкновенного соседства»[1].

«Испытание малодетностью» могут выдержать только весьма спаянные, дружные семьи, при этом надо видеть те объективные препятствия, которые независимо от воли человека затрудняют достижение сплоченности семьи как ценностно-ориентационного единства. Выше обращалось внимание на главную отличительную особенность нуклеарной семьи, ее структуры — на скудность человеческих ресурсов, зависящую от небольшого числа детей. Интересно в связи с этим, что некоторые буржуазные ученые считают малый размер нуклеарной семьи помехой к решению даже тех критических проблем, которые относятся только лишь к жизни семьи в качестве первичной группы, а не в качестве семьи как таковой[2].

Изучение структуры внутрисемейных ролей показывает недостаточность малодетной семьи, нехватку в ней тех звеньев, без которых не складывается детский коллектив. Видоизменения по полу, возрасту, числу детей и интервалам их рождения влияют на ролевую систему семейных отношений в полной нуклеарной семье (с полной супружеской парой и несовершеннолетними детьми). Для целей социально-психологического анализа данный аспект семейной структуры весьма значим, поскольку, как отмечал Ф. Энгельс, «обозначения: отец, ребенок, брат, сестра — не какие-то лишь почетные звания, они влекут за собой вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя...»[1].

---

[1] *Макаренко А. С.* Указ. соч., с. 107.

[2] *Litwak E., Szelenyi I.* Primary group structure and their functions: Kin, Neighbors and friends.— «American Sociological Review», 1969, vol. 34, № 4, p. 469.

Данные табл. 1 показывают структурные различия основных типов полной нуклеарной семьи в зависимости от размера семьи, взятого по числу детей, причем эти структурные сдвиги определяются полнотой представительства в каждом из типов и видов семьи всего набора внутрисемейных ролей, равного 12 ролям, описывающим взаимоотношения родителей и детей[2]. Наиболее комплектной с этой точки зрения оказывается многодетная или среднедетная семья, всегда некомплектной является малодетная семья. Наличие только двух супружеских ролей мужа и жены характерно для условного типа семьи — бездетной семьи молодых супругов, про которую можно сказать, что эта семья еще не семья (имея в виду откладывание рождения первенца на будущее или же непродолжительное существование — менее года — такой семьи). Бездетные семьи, которые так и не смогли реализовать основные функции по рождению и социализации детей за длительные годы супружества (такая семья уже не семья), удобнее называть «супружескими».

Только семьи видов № 1, 2 и 7 являются комплектными. Двудетные семьи видов № 17 и 18 с детьми, не различающимися по полу, фактически имеют меньшее число ролей, не 7, а 8, так как каждый из двух братьев может сказать о себе, что у него есть «брат», а не «братья» (то же самое и в отношении сестер). Обращает на себя внимание также и скудность ролевых структур в малодетной семье, что приводит к выпадению целой «связки» из системы родственных уз.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 35.

[2] К обычно выделяемым 8 ролям добавлены внутрисемейные роли «братья», «сестры», «сыновья», «дочери», характеризующие принципиальное различие в наличии у индивида «братьев» или же «брата», «сыновей» или «сына» и т. д. Именно поэтому комплектность семьи, определяемая Г. Стасяком по 8 ролям, оценивается как недостаточная. (См.: *Стасяк Г.* Городская семья как система социального поведения.— В кн.: Социологические проблемы польского города. М., 1966, с. 340).

Таблица 1

Различия структуры внутрисемейных ролей в многодетных, среднедетных и малодетных нуклеарных семьях с двумя родителями

Тип семьи	Размер семьи	Число детей	Число ролей	Ролевая структура	Разновидность структуры	№ вида
Многодетная семья	7 и более человек	5 и более	12	Муж, жена, отец, мать, сыновья, дочери, сын, дочь, братья, сестры, брат, сестра	3 сына и 2 дочери	1
					3 дочери и 2 сына	2
			10	Муж, жена, отец, мать, сыновья, братья, сын, дочь, брат, сестра	4 сына, 1 дочь	3
				Муж, жена, отец, мать, дочери, сестры, сын, дочь, брат, сестра	4 дочери, 1 сын	4
			8	Муж, жена, отец, мать, сыновья, братья, сын, брат	5 сыновей	5
				Муж, жена, отец, мать, дочери, сестры, дочь, сестра	5 дочерей	6
Среднедетная семья	6 человек	4	12	Полный набор ролей	2 сына, 2 дочери	7
			10	Нет дочерей, сестер	3 сына, 1 дочь	8
				Нет сыновей, братьев	3 дочери, 1 сын	9
			8	Нет дочерей, сестер, дочери, сестры	4 сына	10
				Нет сыновей, братьев, сына, брата	4 дочери	11

Продолжение

Тип семьи	Размер семьи	Число детей	Число ролей	Ролевая структура	Разновидность структуры	№ вида
Среднедетная семья	5 человек	3	10	Нет дочерей, сестер	2 сына, 1 дочь	12
				Нет сыновей, братьев	2 дочери, 1 сын	13
			8	Нет дочерей, сестер, дочери, сестры	3 сына	14
				Нет сыновей, сына, братьев, брата	3 дочери	15
Малодетная семья	4 человека	2	8	Нет сыновей, дочерей, братьев, сестер	1 сын, 1 дочь	16
				Нет дочерей, сестер, сестры, дочери	2 сына	17
				Нет сыновей, сына, брата, братьев	2 дочери	18
	3 человека	1	5	Муж, жена, отец, мать, сын	1 сын	19
				Муж, жена, отец, мать, дочь	1 дочь	20
Супружеская семья	2 человека	0	2	Муж, жена	—	21

Представленные в табл. 1 типы семьи составляли по переписи населения 1970 г. примерно 63%, кроме того, неполных нуклеарных семей было в стране 11,6%, семей расширенного типа (вместе с родителями супругов и родственниками) — 16%, неполных семей расширенного

типа — 3,2% и всех остальных семей — свыше 6%[1].

Факт отсутствия братьев и сестер в однодетной семье иногда рассматривается вне связи с психологическим «микроклиматом» семьи. Нередко в качестве контраргумента «плохому» воспитанию ребенка в однодетной и двудетной семьях ссылаются на «хорошее» влияние детского коллектива в детском саду и школе, якобы компенсирующее отсутствие братьев и сестер[2]. Однако без внимания остается то, что единственный ребенок со всеми своими особенностями приходит в детский сад и школу из семьи, в которой проводит 2/3 своего времени, а не наоборот.

«Безболезненно для семьи, — отмечается в коллективной монографии Института психологии АН СССР, — ...нельзя устранить ни единого звена из сложной сети семейных отношений»[3]. Это в полной мере можно отнести и к элиминированию такого важного звена внутрисемейных ролей, как братья и сестры. Тем более, что альтернативой «плохому» воспитанию в малодетной семье может быть не какое-либо «хорошее» воспитание вне семьи — в дошкольных и школьных группах, — а только воспитание в семье, причем в семье среднедетной.

Важным изменением семейной структуры является изменение главенства в семье, характеризующее прежде всего социально-экономические отношения членов семьи. Традиционное понимание главы семьи как полного распорядителя имущества и хозяйственной деятельности семьи включало и власть над членами семьи во многих других отношениях. Однако главенство в социально-экономическом смысле следует отличать от лидерства в социально-психологическом смысле. Иногда в социальной психологии эти два вида отношений различают

---

[1] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII, с. 238—239.

[2] *Вишневский А. Г.* Тенденции рождаемости и проблема изучения их последствий — В кн.: Рождаемость. М., 1976, с. 24—25. Напомним в связи с этим статью Ю. Азарова «Класс единственных детей» («Литературная газета», 1972, 15 ноября), в которой отмечалась напряженность межличностных отношений в старших классах школы, неуправляемость класса, в котором большинство учеников являются единственным ребенком в семье.

[3] Коллектив и личность. М., 1975, с. 110.

как формальные и неформальные (межличностные) отношения, причем сплоченная семья с благоприятным психологическим «климатом» характеризуется совпадением систем формальных и неформальных отношений[1].

В нашей стране роль главы семьи существенно изменилась в связи со спецификой советской семьи вообще. По переписи населения 1926 г. в 16% городских семей главой семьи была названа женщина в качестве основного добытчика средств существования. В последующих переписях главой семьи записывалось то лицо, кого семья признавала главой. Такого рода главенство признавалось за женщиной в 1939 г. в 22% городских семей, в 1959 г. — в 27% городских семей, в 1970 г. — в 23% всех семей[2].

При утрате прежнего значения понятия «глава семьи» «институт главенства в СССР, — отмечают социологи З. А. Янкова и В. С. Языкова, — развивается в направлении от почитания главы независимо от личных качеств и степени реального участия в жизнедеятельности семьи и его неограниченной власти в семье — к главенству, основанному на признании действительных функций и личных качеств главы семьи»[3]. Главой семьи теперь чаще считается тот из супругов, кто принимает участие в большинстве видов семейной жизнедеятельности: в принятии семейных решений, в обслуживании семьи и организации свободного времени, домашнего труда и быта, в уходе за детьми и их воспитании и т. д.

Однако процесс перехода к структуре отношений, основанной на кооперации и распределении обязанностей в зависимости от личных качеств супругов, еще продолжается и не завершен. Определить влияние малодетности на этот процесс трудно. Авторитарных семей с подчиненным положением жены и детей, а также семей с сохранением различных форм авторитарности по выборочным обследованиям оказалось: в 35% московских, 47% пензенских и 52% семей г. Егорьевска[4]. Изме-

---

[1] См.: Коллектив и личность, с. 110.

[2] См.: *Васильева Э. К.* Семья и ее функции. М., 1975, с. 76—77.

[3] *Янкова З. А., Языкова В. С.* XX век и проблемы семьи. (По итогам XII Междунар. семинара по исследованию семьи). М., 1974, с. 37.

[4] *Там же*, с. 35—36.

няющееся положение жены и мужа в семье не находит порой своего закрепления в новых социальных нормах внутрисемейного поведения. Однако во многих исследованиях отмечается ослабление роли мужа и отца в малодетной семье, распространение среди мужчин и женщин внесемейных интересов.

При определенном снижении престижа домашнего труда, домашнего быта и уюта, престижа семьи, материнства и отцовства частичная неопределенность норм участия мужчин и женщин в семейной жизни, особенно в молодой семье, создает почву для неустойчивости семьи. Противоречия между семейными и социально-профессиональными ролями женщин и мужчин в каждой отдельной семье могут порождать напряженность психологической атмосферы, так как человеку свойственно на уровне межличностного общения концентрировать внимание на недостатках своего партнера и вообще все затруднения, возникающие при исполнении внутрисемейных ролей, переводить в область взаимоотношений между членами семьи.

Конфликтность семейных отношений связана также с сохранением среди мужей притязаний на роль главы семьи при одновременном отклонении этих притязаний со стороны остальных членов семьи. Даже в молодых семьях, где стремления к данной традиционной роли мужа в семье выражены меньше, чем в остальных семьях, молодые мужья со средним и высшим образованием считают себя главой в 66% семей и в 88% семей другого социально-профессионального состава (при этом жены не считают мужей таковыми соответственно в 22 и 36% семей)[1].

В связи с этим важно подчеркнуть противоречие малодетной семьи, состоящее в том, что именно в семье формируется с детства традиционное разделение домашнего труда между мужчиной и женщиной. Результаты социологических исследований школьников показывают, что «мамы», возмущающиеся отсутствием помощи со стороны «пап», не приучают своих сыновей к традиционно «женским» видам домашнего труда[2].

---

[1] См.: *Васильева Э. К.* Указ. соч., с. 80.

[2] См.: *Попов В. Д.* Некоторые социолого-педагогические проблемы второгодничества и отсева.— В кн.: Социологические проблемы образования и воспитания. М., 1973, с. 33—34.

Семья, являясь самой значимой для ребенка первичной группой, закладывает в процессе социализации фундамент большинства ценностных ориентаций, наблюдающихся впоследствии у взрослого индивида. Многое из того, что мы связываем с линиями мужского и женского поведения, формируется в семье под влиянием тех образцов этого поведения, которые свойственны родителям. Мощное влияние семьи на установки подрастающих поколений можно показать и на примере репродуктивных установок молодежи (установок на число детей в семье). Чем выше потребность в детях у родителей (и соответственно фактическое число детей в родительской семье), тем сильнее потребность в детях у их взрослых детей.

Установка на третьего ребенка чаще всего встречается у женихов, выросших в трехдетной семье (14,3%), и реже у тех, кто вырос в малодетной (12,8%) и многодетной семьях (10,9%). Невесты, выросшие в трехдетной семье, ориентированы на 3-го ребенка в три раза сильнее, чем выросшие в малодетных семьях, — 12,7% против 4,7%, и в два раза сильнее, чем выросшие в 4- и 5-детной семьях[1]. Таким образом, распространение малодетных семей может способствовать дальнейшему сокращению рождаемости через формирование установок на малодетность.

О важности ролевой структуры общения в семье можно составить некоторое представление по результатам специального социально-психологического исследования 40 молодых семей студентов и аспирантов гуманитарных факультетов МГУ[2]. Исследование показало, что сходство представлений молодых супругов о внутрисемейном ролевом поведении является предпосылкой согласованности супружеских взаимоотношений и сплоченности семьи вообще — в сплоченных семьях в отличие от конфликтных нет сильных расхождений в представлениях о ролевом поведении друг друга (из 40 семей 14 — сплоченные, 16 — развивающиеся и 10 — конфликтные).

---

[1] См.: *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М., 1975, с. 108.

[2] Исследование проводилось в 1974 г. Результаты этого исследования подробно описаны в статье: *Антонов А. И., Криворучко А. Н.* Опыт изучения взаимоотношений супругов.— В кн.: Проблемы социологического изучения семьи. М., 1976.

Анализ ролевых представлений опрошенных мужей и жен, средний возраст которых составил соответственно 26,9 и 23,6 лет при средней длительности брака 1,5 года, показал существование больших различий.

Таблица 2

Представления молодых супругов о внутрисемейных ролях друг друга

САМООЦЕНКИ МУЖЕЙ		САМООЦЕНКИ ЖЕН	
1. Я — глава семьи	1,77 —	11. Я — женщина	2,07 +
2. Я — мужчина	1,78 —	12. Я — жена	2,14 +
3. Я — семьянин	1,81 —	13. Я — хозяйка	2,21 +
4. Я — муж	1,94 +	14. Я — глава семьи	2,28 —
5. Я — отец	2,20 +	15. Я — мать	2,36 +
ОЦЕНКИ МУЖЬЯМИ ЖЕН		**ОЦЕНКИ ЖЕНАМИ МУЖЕЙ**	
6. Моя жена — жена	1,41	16. Мой муж — муж	1,25
7. Моя жена — женщина	1,80	17. Мой муж — мужчина	1,82
8. Моя жена — хозяйка	1,94	18. Мой муж — отец	1,82
9. Моя жена — мать	1,99	19. Мой муж — семьянин	1,92
10. Моя жена — глава семьи	2,32	20. Мой муж — глава семьи	2,13

Примечания:

1. Знак «—» обозначает неподтвержденную самооценку, а знак «+» соответствует подтвержденной самооценке.
2. Чем меньше абсолютная величина оценки, чем ближе она к нулю, тем выше психологическая значимость представлений о внутрисемейных ролях.

Сохранение традиционных притязаний мужчин на главенство в семье показывает силу социальных норм, поддерживающих приоритет мужа в семье. Наличие подобных норм подтверждается также и тем, что жены вовсе не претендуют на лидерство — у них роль главы семьи по своей значимости находится на четвертом месте, тогда как у мужчин на первом.

Интересно, что для молодых супругов роли матери, отца оказались наименее значимыми. По-видимому, эти роли не стали еще достаточно актуальными в молодой семье, находящейся в процессе становления и потому наполовину бездетной (только в 20 семьях есть ребенок, причем лишь в 45% из них он живет вместе со своими

родителями). По-видимому, этот пример подтверждает определенное снижение престижа отцовства и материнства среди студенческой молодежи, что в свою очередь отражает одно из негативных последствий сокращения рождаемости.

Обращает на себя внимание высокая значимость конвенциональных ролей мужчины и женщины, что, вероятнее всего, связано с продолжающимся процессом взаимного приспособления молодых супругов. В первые годы брака для каждого из них очень важно суметь адаптироваться к роли брачного партнера, по крайней мере это представляется более важным, чем приспособление к бытовым и родительским ролям.

Любопытен факт более низких в среднем оценок (по абсолютной величине) женами своего внутрисемейного поведения: пожалуй, молодые женщины предъявляют более высокие требования, чем мужчины. К тому же они и менее суровы в оценках своего мужа, чем мужья в оценках жены. Из данных табл. 2 также видно, что жены реалистичнее в оценках своего положения в семье, так как 4 из 5 внутрисемейных ролей подтверждаются оценками мужей. В опрошенных семьях наблюдается согласованное общение супругов относительно ролей жены в семье.

С другой стороны, 3 из 5 самооценок мужей не подтверждаются женами, и, значит, в данной выборке между супругами нет сходства представлений относительно мужских внутрисемейных ролей. Возможно, напряженность взаимоотношений в студенческой семье будет в первую очередь определяться конфликтным положением мужа, точнее говоря, происходящим сейчас изменением положения мужчины в семье, поскольку традиционное разделение ролей в молодой семье уже невозможно, тогда как общепризнанных норм в отношении новых семейных ролей мужчины (которые теперь все чаще приходится мужьям исполнять) пока еще нет.

При анализе каждой из молодых семей в отдельности обнаружились значительные расхождения представлений супругов друг о друге, что отражает действительное положение дел в семье, только еще формирующейся, находящейся на пути к стабильности. При этом довольно низким оказался уровень взаимопонимания: супруги, как правило, либо переоценивают, либо недооценивают

себя и другого партнера. Однако только при адекватности оценивания подтверждение (неподтверждение) самооценок можно интерпретировать как свидетельство подлинной сплоченности (конфликтности) семьи.

Трудности достижения ценностно-ориентационного единства, т. е. собственно сплоченности семьи, усугубляются при распространении малодетности. Обнаруживаемая в исследованиях молодой семьи диффузность (наличие сети эмоциональных контактов притяжения — отталкивания) говорит о том, что с точки зрения социально-психологической первой фазой становления семьи как первичного коллектива является образование диффузной семьи. Для семейного единства вместе с тем еще недостаточно простой совместимости супругов, нужно сходство ценностных ориентаций, совпадение ценностей и оценок относительно объектов, наиболее значимых для семьи в целом. Психологически это единство может выражаться в усилении «чувства принадлежности» к семье со стороны ее членов, в отождествлении личности с семейным коллективом, в сопереживании членов семьи друг другу, наконец, в том, что является другой стороной богатства внутрисемейных связей и семейной взаимосвязанности — в ответственной зависимости членов семьи, в их понимании семейного долга.

Малодетная семья рискует остаться на уровне первой переходной ступени к сплоченной семье. В ней меньше взаимосвязей, меньше взаимозависимости и устойчивости. Особенно заметна разнородность ориентаций в однодетной семье. Разнородны интересы ребенка и взрослых, разнородны интересы мужа и жены в связи с участием супругов в различных сферах внесемейной деятельности.

Развитие внесемейных интересов мужчин и женщин, столь характерное для «малодетного» образа мыслей, нашло свое отражение в росте разводов в период 1959—1970 гг., т. е. в период быстрого сокращения рождаемости, за это время число разводов на 1000 населения увеличилось в 2,6 раза[1].

Малодетность в свою очередь влияет на кардинальное изменение того аспекта семейной структуры, который включает в себя систему потребностей и ценностей. Ослабление потребности в детях до 1—2 детей в семье означает полную реорганизацию всей системы потребностей личности и семьи. Столь существенная трансформация семейной структуры не позволяет поэтому ставить знак равенства между малодетностью семьи в прошлом и современной малодетной семьей. Слишком велико различие в мотивах вступления в брак и рождения детей, в жизненных ориентациях и требованиях, предъявляемых к себе и своему образу жизни, к содержанию и воспитанию детей.

Определенное ослабление потребности в самой семье, снижение удовлетворенности членов семьи семейным образом жизни на фоне общего снижения престижа семьи, ценности детей, отцовства и материнства и видоизменения других сторон социально-психологического аспекта семейной структуры нельзя не оценивать отрицательно на основе имеющихся у науки критериев.

Таким образом, анализ основных моментов современных изменений структуры и жизнедеятельности семьи позволяет сделать вывод об определенных изъянах малодетной семьи. Обострение проблем народонаселения, отмеченное на XXV съезде КПСС, должно пониматься и как обострение проблем рождаемости и семьи в связи с распространением однодетных и двудетных семей. Поэтому эффективность демографической политики в значительной степени будет зависеть от решения важнейшей задачи по укреплению семьи, от успеха укрепления материального положения и повышения престижа среднедетной семьи.

[1] См.: Население СССР. 1973. М., 1975, с. 150.

3 Заказ 1426

Л. Гордон, Е. Груздева

БЫТ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

В статье используются материалы комплексного социологического исследования по изучению условий жизни и быта трудящихся Таганрога, проведенного в 1967—1970 гг. и охватившего примерно 4 тыс. рабочих и работниц[1]. Однако численность интересующей нас категории относительно невелика. Молодые супруги занимают промежуточное положение в ряду семейно-возрастных групп между молодежью и зрелыми семейными людьми, так что длительность этого этапа жизненного цикла обычно не слишком продолжительна. В нашем исследовании на долю молодых супругов (женатых и замужних людей моложе 40 лет, не имеющих детей) приходится 6% (около 230 человек).

Для выявления особенностей повседневного поведения молодых супругов целесообразно использовать сравнение с данными о времяпрепровождении людей, находящихся на иных, смежных этапах жизненного цикла — досемейном, молодежном и родительском, центральном. Эти семейно-возрастные группы в нашей выборке значительно более многочисленны. На долю молодежи приходится примерно 17%, а удельный вес родителей, имеющих несовершеннолетних детей, составляет 58% обследованных рабочих. Для наших целей важно выделить среди молодежи тех, кто живет самостоятельно, в одиночку, в отличие от тех, кто проживает в семье родителей, а среди всех родителей, имеющих несовершеннолетних детей, тех, чьи семьи состоят только из супругов и несовершеннолетних детей, т. е. нуклеарные семьи.

В конечном счете нами используются данные, касающиеся следующих семейно-возрастных групп:

[1] Используемые в статье материалы собраны исследовательской группой Института международного рабочего движения АН СССР под руководством Л. А. Гордона при участии Е. Б. Груздевой.

Основные и промежуточные этапы жизненного цикла	Семейно-возрастные группы
Молодость	Незамужние девушки, живущие в одиночку
	Незамужние девушки, живущие с родственниками
	Неженатые юноши, живущие в одиночку
	Неженатые юноши, живущие с родственниками
Начальный период развития семьи (промежуточный этап жизненного цикла)	Молодые жены
	Молодые мужья
Зрелость (центральный родительский этап жизненного цикла)	Матери несовершеннолетних детей, живущие в простых семьях
	Отцы несовершеннолетних детей, живущие в простых семьях

Средняя продолжительность того этапа жизненного цикла, когда супруги еще не имеют детей, у обследованных таганрогских рабочих в возрасте от 20 до 30 лет составляет примерно 1—1,5 года. Однако его средняя продолжительность у всех обследованных супругов, не имеющих детей, несколько выше в связи с тем, что примерно 1/3 этой группы — люди старше 30 лет. Эта продолжительность лежит в интервале от 1,5 до 2,5 лет.

Надо сказать, что, судя по данным некоторых демографических обследований прошлых лет, протогенетический интервал (интервал между вступлением в брак и первым рождением) имел тенденцию к уменьшению. Так, у женщин, вступивших в брак в 1920—1924 гг., он составлял в среднем 2,50 года, в том числе в городах — 2,30 года, а у вступивших в брак в 1945—1949 гг. — соответственно 1,86 и 1,70 года[1]. Вместе с тем в настоящее время планирование семьи нередко приводит к удлинению этого периода. Подобная возможность в ряде случаев дополнительно увеличивается в связи с «омоложением» брака, который отмечен материалами двух последних Всесоюзных переписей населения СССР. Ес-

[1] См.: *Сифман Р. И.* Интервалы между рождениями и между вступлением в брак и первым рождением. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 115.

ли откладывание рождений может отодвигать верхнюю границу протогенетического периода, то «омоложение» брака как бы опускает его нижнюю границу.

Значимость начального этапа в семейной жизни определяется отнюдь не только продолжительностью бездетности. В этот период происходит превращение формально провозглашенного брачного союза в подлинную семейную ячейку. От того, насколько молодые супруги сумеют адаптироваться, освоить новые роли, создать обстановку взаимопонимания и уважения, во многом зависит прочность этого союза, создание благоприятного климата для дальнейшего развития семейных отношений.

Семья в социалистическом обществе представляет собой, кроме всего прочего, важнейшую ячейку духовных отношений, основу интимного мира супругов. В основе отношений в семье лежат не только материальная, но и духовная взаимопомощь, духовная заинтересованность в совместном проживании. Именно в первый период семейной жизни взаимное приспособление достигает наибольшей интенсивности. В сущности оно является как бы особой функцией образа жизни молодых супругов.

Подобная направленность бытовых сторон образа жизни объясняет многие, если не все характерные черты повседневного поведения людей, уже создавших семью, но еще не имеющих детей. Так, смысл домашнего труда на этом этапе жизненного цикла уже не сводится к простейшему самообслуживанию, как это бывает у несемейной молодежи. Правда, в нем отсутствуют элементы, связанные с уходом за детьми, столь характерные для родительского этапа жизненного цикла. Однако молодые супруги должны заботиться не только об удовлетворении индивидуальных материальных нужд, но также о взаимном обслуживании и первоначальном семейном обзаведении. Отсюда, из необходимости и потребности «вить гнездо», и проистекает основная специфика домашнего труда в молодой семье. Необходимость домашнего обзаведения и семейного обслуживания ведет к увеличению продолжительности домашнего труда в быту молодых супругов (см. табл. 1).

У обследованных женщин-работниц на этой стадии их семейной жизни время, уделяемое домашнему труду,

Таблица 1

Продолжительность домашнего труда, ч, мин в неделю

Вид домашнего труда	Женщины-работницы				Мужчины-рабочие			
	Незамужние, живущие в одиночку	Незамужние, живущие с родственниками	Молодые супруги без детей	Родители несовершеннолетних детей в простых семьях	Неженатые, живущие в одиночку	Неженатые, живущие с родственниками	Молодые супруги без детей	Родители несовершеннолетних детей в простых семьях
Труд в домашнем хозяйстве	13.40	10.35	25.55	35.45	4.50	4.20	8.35	13.25
в том числе:								
покупка продовольственных и непродовольственных товаров	1.30	0.45	3.00	3.10	0.50	0.25	1.00	1.20
приготовление пищи, мытье посуды и т. д.	5.40	3.25	9.20	13.10	0.40	0.50	1.50	2.10
уборка жилого помещения	1.20	1.50	2.20	4.00	0.20	0.40	0.50	0.40
уход за одеждой и обувью	2.05	2.10	5.05	5.30	0.30	0.10	0.50	0.30
возведение и ремонт жилых помещений, ремонт мебели и бытовых приборов	—	—	1.40	1.45	—	—	1.15	3.10
работа в саду, на огороде	—	0.35	0.35	0.45	0.15	0.10	0.50	1.35

возрастает примерно в 2 раза по сравнению с показателями, характерными для несемейной молодежи, и достигает почти 26 часов в неделю. Разумеется, нельзя считать данный темп роста совершенно точным показателем для любых групп населения. Возможно, он обусловлен некоторыми особенностями, свойственными Таганрогу. По результатам других обследований занятость домашним трудом у молодых жен возрастает примерно в 1,5 раза. Однако самый факт существенного увеличения домашних забот не вызывает сомнения[1].

[1] Заметим, что разные обследования дают примерно одинаковую абсолютную величину времени домашнего труда у работниц,

У молодых семейных мужчин длительность домашнего труда увеличивается почти вдвое по сравнению с юношами и составляет примерно 8,5 часа в неделю. Темп возрастания затрат времени в сфере домашнего труда у таганрогских мужчин совпадает с результатами наших исследований в некоторых других городах[1].

Заметно меняется в этот период и доля домашнего труда в общем объеме эластичных затрат времени в быту[2]. На ведение домашнего хозяйства у молодых жен приходится примерно половина всего объема эластичных затрат времени. Правда, на следующем этапе жизненного цикла, с появлением детей и увеличением забот в связи с этим, доля домашнего труда существенно возрастает и достигает уже $^2/_3$ в общем объеме эластичных затрат времени, в то время как у молодых девушек до появления семьи она составляет лишь $^1/_4$. Соответствующий показатель у молодых супругов-мужчин равен примерно $^1/_5$, в то время как на молодежном этапе жизненного цикла на долю домашнего труда у юношей приходилось примерно $^1/_{10}$ эластичных затрат времени (на центральном этапе жизни цикла она повышается до $^1/_3$).

Иным становится и само содержание домашнего труда молодых супругов. Основное место в домашнем труде женщин сразу после замужества занимает кухонная работа: готовка, мытье посуды и т. д., а также стирка и глажение белья, шитье, починка, чистка одежды и обуви. Существенно увеличивается и время, уходящее на покупку продуктов питания и непродовольственных товаров, уборку жилого помещения. Основными обязанностями молодых мужей становятся всяческие поделки по дому, работы по ремонту помещений, бытовых приборов, мебели, помощь женам в приготовлении пищи, покупке еды, уборке квартиры и т. д.

недавно создавших семью, — 24—25 часов. (См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Приложение. М., 1972, с. 34—35).

[1] *Там же.*

[2] Эластичными (меняющимися от человека к человеку) затратами времени в быту мы называем время, используемое на домашний труд, повседневные культурные нужды, семейное общение, воспитание детей, досуговое общение и т. п. Выделение эластичных затрат времени позволяет отделить индивидуально и семейно организованные виды деятельности от производственно организованных видов деятельности, а также от удовлетворения повседневных физиологических нужд (сон, еда). Последние связаны с малоэластичными, менее изменчивыми затратами времени.

Как видим, домашний труд, играющий в жизни молодежи второстепенную, а у юношей просто ничтожную роль, с появлением собственной семьи становится одним из важнейших элементов повседневного поведения молодых супругов.

Само по себе увеличение домашней занятости среди молодых семейных людей вполне оправдано и нормально. Однако увеличение домашнего труда с созданием семьи имеет явно чрезмерный характер. К тому же увеличение домашнего труда связано не только с расширением бытовых обязанностей молодых супругов, но и с тем, что начальный этап семейной жизни нередко проходит в худших жилищных условиях по сравнению с другими периодами жизни.

Таблица 2

Распределение работниц различных семейно-возрастных групп в зависимости от обеспеченности их жилищ коммунальными удобствами, % к итогу

Степень обеспеченности жилищ коммунальными удобствами	Семейно-возрастные группы			
	незамужние, живущие в одиночку	незамужние, живущие с родственниками	молодые жены без детей	матери с несовершеннолетними детьми в простых семьях
Все основные удобства	42	25	19	41
Некоторые из удобств	13	24	15	13
Без удобств	45	51	66	46

Современное жилье, оснащенное коммунальными удобствами, заметно сокращает и облегчает домашний труд. Вместе с тем из данных таблицы видно, что в самых худших условиях находятся именно молодые семейные женщины. Если примерно половина обследованных девушек живет в домах со всеми (или хотя бы некоторыми) удобствами, то среди обследованных женщин, относительно недавно создавших семью, в подобных условиях находится лишь $^1/_3$. Не случайно среди обследованных семей самый высокий процент неудовлетворенно-

сти жилищными условиями приходится на семьи молодых супругов.

Меры, призванные улучшить жилищные условия молодых семей, будут в немалой степени способствовать созданию благоприятной обстановки для освоения молодыми супругами своих, отнюдь не легких новых обязанностей.

Большое значение имеет сохранение традиций, связанных с представлением о том, что домашние заботы в семье должны лежать в основном на плечах женщин. Несмотря на примерно одинаковые темпы роста занятости в домашнем хозяйстве жен и мужей, абсолютная длительность домашнего труда у последних составляет лишь $^1/_3$ соответствующего показателя первых. Правда, освоение роли хозяйки дома ощущается женщиной в начале семейной жизни нередко как приятная обязанность. Однако изучение последующих периодов свидетельствует о том, что со временем рост объема домашнего труда зачастую превращается в тяжелую нагрузку, существенно влияющую на все стороны бытовой жизнедеятельности женщины, в частности заметно снижающую время отдыха, культурный досуг и т. д. Облегчение домашних забот семейных женщин — главным образом через посредство развития сферы обслуживания и механизации быта — выступает как одна из основных современных задач совершенствования быта. Известную роль при этом может сыграть более или менее равномерное перераспределение обязанностей между супругами. Но если оно и может быть осуществлено, то скорее всего при условии, что это начнется на первом этапе развития семьи, когда закладываются семейные традиции, во многом определяющие весь строй последующей жизни.

Изменения в сфере домашнего труда, пожалуй, самая заметная, но отнюдь не единственная перемена в быту, порождаемая началом семейной жизни. Существенно изменяются и другие стороны повседневного поведения молодых супругов (табл. 3). У людей, уже создавших семью, появляется стремление включиться в новую систему родственных и дружеских отношений, что, естественно, приводит к увеличению семейных контактов. Это меняет весь характер досугового общения. В нем начинают более или менее равномерно сочетаться как внесемейные, так и семейные элементы (в отличие от

Таблица 3

Продолжительность занятий, связанных с общением и повседневной культурной жизнью, ч., мин в неделю

	Женщины-работницы			Мужчины-рабочие		
	незамужние	молодые супруги без детей	родители несовершеннолетних детей	неженатые	молодые супруги без детей	родители несовершеннолетних детей
Внесемейное общение	6.45	5.55	3.30	10.20	7.40	5.45
Прогулки, посещение парков, ресторанов, кафе, танцев и т. д.	3.35	2.45	1.35	6.50	3.05	1.35
Прием и посещение гостей	3.00	2.55	1.50	2.30	3.50	2.35
Неспортивные игры	0.10	0.15	0.05	1.00	0.45	1.35
Потребление культуры						
Индивидуальное домашнее потребление культуры	9.40	11.15	5.30	9.00	13.50	15.40
в том числе чтение газет	1.10	0.50	0.50	1.45	2.20	3.10
чтение книг и журналов	4.30	3.30	1.15	3.45	3.15	2.50
просмотр телевизионных передач	3.45	6.30	3.15	3.30	8.05	9.25
Публичные зрелища (театр, кино)	3.10	2.05	0.55	2.35	1.40	0.45
Любительские занятия и непрофессиональное творчество	0.25	0.10	0.15	0.15	0.45	0.05
Учеба и самообразование	7.50	2.50	0.15	7.15	3.00	1.55
Занятия спортом и физкультурой, поездки за город	0.55	1.00	1.00	5.05	2.30	2.35
Общественная деятельность	0.15	0.10	0.15	0.40	0.25	0.25

молодежного этапа, на котором преобладают внесемейные контакты, и от родительского этапа, где значительно шире представлено семейное общение).

Как видно из данных табл. 3, общая продолжительность досугового общения у молодых супругов сокращается, особенно интенсивно у юношей. В итоге продолжительность времени, уделяемого внедомашним формам общения, становится у молодых супругов фактически одинаковой. Это явно свидетельствует об изменении мо-

лодежного общения с его приверженностью к недомашним контактам в общение семейного типа. Ярко выраженная молодежная установка на встречи с друзьями слабеет и приобретает черты совместных прогулок молодых супругов.

Вместе с тем хождение в гости, встречи с друзьями дома и тому подобные семейные контакты у женщин практически остаются неизменными, а у мужчин даже возрастают. Почти $^3/_4$ молодоженов, по данным нашего обследования, по крайней мере раз в неделю бывают в гостях или принимают гостей у себя. В общем объеме времени, посвященного общению, доля встреч с гостями у молодых супругов занимает 50%, в то время как у девушек — 40%, а у юношей — 26%. Хождение в гости — основная форма межличностного общения в быту молодых семей, и именно на этом этапе жизненного цикла его продолжительность и распространенность достигает наибольшей величины.

Встречи с гостями есть своего рода демонстрация появления новой семьи, средство ее укрепления, врастания в уже существующую сеть повседневных человеческих отношений, неформальных групп и т. д. В современной городской среде — во всяком случае у семейных рабочих — эта сеть в большой мере определяется родственными связями. Данные обследования свидетельствуют о том, что более половины всего непрофессионального личностного общения у рабочих приходится на долю родственников. Для молодой семьи поэтому особенно важно включиться в систему родственных групп, к которым принадлежит каждый из супругов. Отсюда и специфически родственный, семейно-домашний характер общения у молодоженов: более 80% молодых супругов ответили, что в гостях они чаще всего встречаются с родственниками (соответствующие показатели: у молодежи — 30—40%, у супругов в семьях с несовершеннолетними детьми — 60—70%)[1].

Заметим, что общение с родственниками и друзьями в немалой степени способствует адаптации молодых супругов друг к другу и к семейной жизни. Но главную роль во взаимном приспособлении молодых супругов

[1] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Указ. соч., с. 147, 232.

играет, конечно, их собственное общение; гости и встречи с друзьями лишь облегчают сложную работу формирования духовной общности. К сожалению, данные бюджетов времени не могут показать такую сторону повседневного поведения молодоженов, как внутрисемейное общение во всей ее полноте. Однако некоторые следствия этого процесса достаточно определенно выявляются и в данных о времяпрепровождении. Так, отмеченное нами тяготение к совместным прогулкам на этом этапе жизненного цикла явно свидетельствует о стремлении молодых супругов к общению друг с другом.

Усиление домашней направленности проявляется и в структуре культурной жизни: уменьшается длительность загородных поездок, занятий спортом, посещений кино и театра. С другой стороны, для молодых супругов весьма характерно повышение абсолютной продолжительности домашних форм потребления культуры, а их удельный вес во всем времени, посвященном участию в культуре, составляет 70% по сравнению с 45% у молодежи.

Вместе с тем на этом этапе жизненного цикла сокращается такой важный вид культурного досуга, как чтение. Может показаться, что это связано с уменьшением свободного времени, вызванного освоением новых семейных обязанностей, заботами по хозяйству. Однако у молодоженов резко возрастают затраты времени, уделяемые телевизору. У женщин в нашей выборке время чтения снижается на 1 ч, а просмотр телепередач увеличивается чуть ли не на 3 ч, у мужчин — соответственно на 0,5 и 4,5 ч. По всей вероятности, не столько уменьшение свободного времени, сколько стремление к совместному, общесемейному проведению досуга, чему вполне отвечает домашний экран, объясняет сокращение продолжительности чтения, которое в основном является индивидуальным.

Для понимания многих особенностей образа жизни на первоначальных стадиях развития семьи интересны сведения не только о реальном, но и предполагаемом поведении молодых супругов, их реакциях в так называемой прожективной ситуации. Такие сведения предоставляют ответы обследованных о возможном использовании ими дополнительного свободного времени. Сравнение этих ответов со сведениями о фактическом

Схема 1

Сравнительные данные о распространении фактических занятий и о возможном использовании дополнительного времени*

Место данного занятия по степени распространенности	Несемейная молодежь				Молодые супруги без детей				Родители несовершеннолетних детей в простых семьях			
	женщины		мужчины		женщины		мужчины		женщины		мужчины	
	реальное поведение	возможное использование времени	реальное поведение	возможное использование времени	реальное поведение	возможное использование времени	реальное поведение	возможное использование времени	реальное поведение	возможное использование времени	реальное поведение	возможное использование времени
I	Чтение книг	Чтение книг	Кино	Чтение книг	Общение с гостями и в гостях	Развлечения вне дома, посещение кино, театра	Просмотр телепередач	Отдых и развлечения дома, просмотр телепередач	Домашняя работа	Воспитание детей и уход за ними	Просмотр телепередач	Воспитание детей и уход за ними
II	Кино	Развлечения вне дома, посещение кино, театра,	Прогулки с друзьями	Развлечения вне дома, посещение кино, театра	Кино	Чтение книг	Чтение книг	Учеба	Уход за детьми	Домашняя работа	Воспитание детей	Чтение книг
III	Прогулки с друзьями	Встречи с друзьями	Чтение книг	Встречи с друзьями	Просмотр телепередач	Отдых и развлечения дома, просмотр телепередач	Учеба	Спорт	Просмотр телепередач	Отдых и развлечение дома, просмотр телепередач	Чтение книг	Спорт
IV	Учеба	Учеба	Учеба	Учеба	Чтение книг	Встречи с друзьями	Отдых за городом	Чтение книг	Чтение книг	Развлечения вне дома, посещение кино и театра	Кино	Отдых и развлечение дома, просмотр телепередач
V	Просмотр телепередач	Отдых и развлечения дома, просмотр телепередач	Спорт	Спорт	Учеба	Учеба	Спорт	Отдых за городом	Кино	Чтение	Спорт	Развлечения вне дома, посещение кино, театра

* В целях сопоставимости в данной схеме использованы сведения не обо всех занятиях, но лишь о тех из них, которые совпадают и в реальном поведении, и в ответах о возможном использовании дополнительного времени соответствующих групп.

времяпрепровождении несемейной молодежи, молодых супругов и зрелых людей с детьми показывает более или менее промежуточное положение людей, находящихся на первой стадии развития семьи.

В целом по своим желаниям (и как бы проступающим сквозь них ориентациям) молодые супруги ближе к молодежи. Судя по ответам, молодые мужья предпочитали бы использовать дополнительное время для занятий спортом, поездок за город, охоты, рыболовства, а молодые жены тяготеют к кино- и театральным зрелищам, встречам с подругами. Как бы критически оценивая снижение чтения и учебы, молодые семейные люди говорят о желании больше читать и учиться. Иными словами, традиционные, подчас чрезмерно пассивные представления об организации быта в семье еще не закрепились в сознании молодых супругов. Это обстоятельство важно учитывать при рационализации семейного досуга. Известная пассивность образа жизни семейных людей объясняется не только реальными бытовыми трудностями, но и постепенной сменой установок, силой традиций, зачастую продолжающей влиять на поведение людей и тогда, когда многие из породивших их обстоятельств уже исчезли. Отчетливое представление о подобных, как бы действующих по инерции установках, отделение их от ориентации, обусловленных реальными условиями жизни, является одной из предпосылок целенаправленного воздействия на нравы и семейное поведение.

С. Голод

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ

Семья, отмечал К. Маркс, *«должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество*, точно так же как это было и в прошлом. Она представляет собою продукт общественной системы»[1]. Лучшим подтверждением этой мысли служит эволюция моногамных отношений в социалистическом обществе. В самом деле уже в первые годы Советской власти развернулась активная ломка отживших семейных и брачных форм отношений и поиск новых[2]. На протяжении последующих лет новые тенденции в развитии семьи, будучи подготовленными экономическим и духовным раскрепощением женщин, повышением общего культурного уровня и процессом гуманизации отношений между мужчиной и женщиной, приобрели глубинный характер.

В наиболее общем виде современная семья представляется как нуклеарная, с небольшим количеством детей, воспитание которых в большей мере осуществляется специалистами (ясли, детские сады, школы, Дома пионеров и т. д.), с достаточно стабильными контактами с родственниками, но без эмоциональной близости с ними, при интенсивном общении с друзьями.

Разумеется, в разных типах семей, а тем более в каждом конкретном случае могут преобладать те или иные элементы отношений. И все-таки главное в них совпадает — это выдвижение на первый план супружества. Утрата семьей производственной функции и вклю-

---

[1] Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. М., 1941, с. 37.

[2] Подробнее об этом см.: *Роговин В. З.* Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х годов. — «Социальные исследования». Вып. 4. М., 1970; *Голод С. И.* Любовь, нравственно-психологические и социальные основы взаимоотношений юношей и девушек. — В кн.: Духовное становление человека. Л., 1972.

чение молодой пары в сложную общественно-профессиональную структуру представляет ей не только профессиональную и жилищную автономию, но и автономию в своих решениях в сфере воспроизводства. Все это затушевывает генерационные единокровные узы, выдвигая на первый план супружеские отношения. Они суть не что иное, как личностное общение мужа и жены, происходящее в процессе совместного проживания и основанное на собственно брачных ценностях.

В настоящей статье рассматривается только городская семья[1], которая (независимо от этногеографического района) имеет некоторые принципиальные отличия от сельской. Одним из подтверждений этого может служить, например, частота расторжения брака. В Ленинградской области, отличающейся высоким уровнем урбанизации, в 1967 г. было зарегистрировано 4,8 развода на 1000 населения, в 1970 г. — 4,4, а в Ленинграде — соответственно 5,9 и 5,7 развода. В Таджикистане в целом в 1966 г. был зарегистрирован 1,0 развод на 1000 населения, в 1967 г. — 1,1, а в столице республики Душанбе — соответственно 3,1 и 3,3 развода[2]. Повторные же разводы в городах встречаются в 1,5—2 раза чаще, чем в селах[3].

Другое подтверждение этого — распределение межнациональных браков. Так, в городах Карачаево-Черкессии смешанных браков заключается карачаевцами в 1,5-3 раза, а нагайцами в 7 раз больше, чем в сельской местности[4]. Имеется и ряд других отличий, установленных при исследовании, в частности, сельских семей в центральных районах страны. В них только сейчас стали активно проявляться новые тенденции, связанные с городским образом жизни (рост образования, изменение роли главы семьи, уменьшение количества детей, изменение отношения к ним и т. д.)[1].

[1] Это главным образом города центральной европейской части страны и Прибалтики. Заметим, что во многих городах других районов страны еще остались некоторые авторитарно-патриархальные традиции (см., например: *Лобачева Н. П.* О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана). — «Советская этнография», 1972, № 1).

[2] «Вестник статистики», 1969, № 2, с. 93; 1971, № 12, с. 86.

[3] См.: *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М., 1975, с. 137.

[4] См.: *Смирнов Я. С.* Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии.— «Советская этнография», 1967, № 4, с. 140; *Ганцская О. А., Терентьева Л. Н.* Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике. — «Советская этнография», 1965, № 5.

Рассмотрим, опираясь на ряд исследований, проведенных в последние годы, каковы реальные тенденции в области брачных отношений. При этом сосредоточим внимание главным образом на неинституальных элементах брака, и особенно на роли, которую играют духовные и эмоциональные потребности супругов, а также их нравственная и социально-психологическая приспособляемость.

Начнем с мотивов вступления в брак.

Мотивы вступления в брак, % от общего числа обследованных*

Мотивы	Мужчины	Женщины
Любовь	39,1	49,6
Общность интересов, взглядов	26,1	28,5
Чувство одиночества	14,1	4,7
Чувство сострадания	7,4	3,1
Вероятность скорого рождения ребенка	6,7	4,3
Случайность	4,0	2,4
Материальная обеспеченность будущего мужа (жены)	—	3,1
Наличие жилплощади у будущего мужа (жены)	2,0	1,2
Другие мотивы	0,6	3,1

* Можно было указать не больше трех мотивов; всего опрошено 350 человек.

Двумя основными мотивами вступления в брак (независимо от пола) являются «любовь» и «общность интересов», но у женщин они (особенно первый) выражены более явно. Такая ориентация несколько противоречива. С одной стороны, здесь дается традиционная мотивировка брака — любовь, которая выступает не как основание для вступления в брак, а как самодовлеющая

[1] См. об этом подробнее: *Панкратова М. Г.* Функции семьи в понимании современного сельского жителя. — В кн.: Производственная деятельность женщин и семья. Минск, 1972; *Она же.* Изменения в семейных отношениях сельских жителей в СССР. — В кн.: Динамика изменения положения женщин и семья. М., 1972.

4 Заказ 1426

ценность, и тем самым чуть ли не отождествляется с самим браком. С другой стороны, выражается рациональный взгляд на брак как на супружество, в основании которого лежит общность взглядов и интересов. Постепенно как бы складывается общественное мнение о важности нравственных и интимных элементов для обогащения и устойчивости супружеских отношений. В то же время поскольку специфика пола не преходяща, женщины, по-видимому, и в дальнейшем будут романтизировать брак в большей мере, чем мужчины.

Аналогичная мотивационная шкала получена многими советскими исследователями семьи. Изучая идеал супруга и супруги, эстонские социологи обнаружили, что за время учебы в университете (от 18 к 23 годам) у студентов происходит существенное изменение взглядов на супружество: уменьшается значимость любви для устойчивости брака, но зато увеличивается вес взаимного уважения и верности. Иерархия факторов у девушек и юношей несколько различается, хотя общая картина едина. На первое место студенты поставили «глубокие», внутренние «идеальные» факторы, такие, как «взаимные отношения». Самыми важными чертами этого понятия юноши и девушки считают взаимное уважение, затем доверие, взаимопомощь и лишь на четвертом месте — любовь[1]. Те же исследователи при опросе 575 новобрачных пар установили обратную зависимость между возрастом вступающих в брак и значимостью мотива «любовь» для заключения брака, но прямую — между возрастом и рациональными мотивами: «иметь верного и преданного друга» и «иметь рядом заботливого и нежного человека»[2].

Преимущество рациональной ориентации на брак подтверждается зависимостью между мотивами вступления в брак и мерой удовлетворенности супружескими отношениями. Из тех респондентов (в нашей выборке), кто мотивировал вступление в брак любовью, «вполне» удовлетворенных брачной жизнью оказалось 38%, из тех же, кто вступил в брак на основе общих интересов, — более 40%. Соответственно негативно оценивающие свое брачное состояние составляют 19 и 13%. Не менее интересна (и свидетельствует о той же закономерности) зависимость между мерой удовлетворенности браком и мотивом его заключения. Правда, при анализе необходимо учитывать, что уровень удовлетворенности супружеством на момент опроса в какой-то мере определяет ретроспективный «выбор» мотива вступления в брак.

Итак, среди «вполне» удовлетворенных браком более половины мотивируют вступление в брак «любовью», а около 1/3 — «общностью взглядов и интересов». Среди «скорее» и «полностью» неудовлетворенных — соответственно 34% против 17% и 30% против 7%. Очевидно, что поиск в период ухаживания партнера, с которым обнаруживается общность интересов и потребностей, более надежная основа будущего супружества, чем любовное влечение. Любовь — существенное основание для вступления в брак, но еще не достаточная гарантия стабильности современной формы семейных отношений.

Далее не может не возникнуть вопрос о зависимости мотивов вступления в брак от факторов, скрепляющих его. Оказалось, что те, кто вступил в брак на основе любви, обращают внимание на такую последовательность факторов: привычка, общность интересов, долг и сексуальное созвучие. Те же, кто заключил брак исходя из общности интересов, отмечают: общность интересов, привычку, сексуальное созвучие и долг. И наконец, когда брак служит средством избежать одиночества, называют привычку, долг, общность интересов и сексуальное созвучие.

Трем основным мотивам заключения брака, таким образом, сопутствуют четыре фактора стабилизации супружества, но роль (судя по месту и удельному весу) этих факторов различна, причем благоприятнее складываются супружеские отношения у людей с преимущественно рациональной ориентацией на выбор супруги (супруга). И это вполне объяснимо, если помнить о принципиальном различии эмоциональных переживаний до брака и в браке. То, что до заключения брака было необязательным и протекало под влиянием импульсивных и неконтролируемых побуждений, становится в браке обязательным, получившим определенные, жесткие контуры. Поведение стало по преимуществу регла-

[1] См.: *Коппел Э., Тийт Э.* Идеал супруга (ги) и семья. — В кн.: Динамика изменения положения женщин и семья. М., 1972.
[2] Perekoma probleemid, II. Tarty, 1975, S. 236.

ментированным, взаимная компенсация промахов происходит трудней, чем при соответствующих обстоятельствах до брака, когда оно опиралось на позитивные эмоции и неограниченный потенциал взаимных симпатий.

Приведенный эмпирический материал указывает на важную закономерность: чем выше возраст будущих супругов, тем в меньшей мере «любовные» и в большей мере «дружеские» компоненты служат основанием для вступления в брак. Не эмоциональная ориентация может делать брак более устойчивым, а значит, определенный возраст, правда, не сам по себе, а как пора социальной зрелости, увеличивает вероятность некризисного протекания супружества, так как смягчает противоречие между ожиданием и брачной реальностью. Это дает возможность заключить, что скорее всего не любовь, а интимность[1] супругов по отношению друг к другу является стабилизирующей ценностью брака.

На определенной стадии развития брачных отношений может возникнуть глубокое взаимопонимание. Последнее в сущности означает умение создать атмосферу доверительности, деликатности, заботливости и нежности в супружеских отношениях. Значимость такого понимания «интимности» как одного из компонентов брачной стабильности подтверждается исследованиями и других авторов. Так, В. Кореневская, изучавшая семейные отношения женщин — работниц Запорожья, отмечает: «Вызывающий уважение женщин супруг в большинстве случаев характеризуется как личность, отличающаяся нравственной чистотой, искренностью, внимательностью и отзывчивостью... На заботливое и внимательное отношение супругов друг к другу ориентировано 46,7% обследуемых работниц»[2].

Другая брачная ценность — адаптированность. Супружеская адаптация — понятие довольно широкое, здесь речь идет о бытовом, эмоциональном, нравственном и культурном взаимоприспособлении (или то, что сами супруги подчас называют «привычкой») мужа и жены.

---

[1] От intim (лат.) — внутреннее.

[2] *Кореневская В.* Семья и нравственная ориентация женщин. — В кн.: Динамика изменения положения женщин и семья, с. 53—54.

Остановимся несколько подробнее на первых двух видах. Многочисленные исследования семейного быта показывают, что сегодня основная тяжесть по ведению домашнего хозяйства ложится на женщину[1]. В то же время прослеживается тенденция к переходу от строго закрепленных функций к их ситуативному перераспределению между супругами при сохраняющемся естественноисторически сложившемся разделении труда.

Такая тенденция в современной городской семье стала возможна благодаря механизации домашнего быта, улучшению кооперации между семьей и сферой общественных услуг и повышению общей культуры, которая способствует размыванию обычного представления о распределении внутрисемейных ролей. Все это, разумеется, не может не влиять на оптимизацию бытовой адаптированности супругов[2].

Еще лет десять — пятнадцать назад было распространено мнение, что супружеская сексуальная адаптированность никак не отражается на состоянии брака. В настоящее время эта точка зрения пересматривается. Более того, часть сексологов, исходя из увеличения жалоб по поводу супружеской сексуальной дисгармонии, по закону маятника «качнулись» в противоположную крайность — стали считать дисгармонию одной из главных причин брачных напряжений и разводов[3]. Играет ли сексуальная гармония столь важную роль в стабилизации брачных отношений?

Имеющиеся данные опросов и клинические эксперименты показывают, что усложнение брачных отношений, придание особой значимости личностным качествам супругов немыслимо без увеличивающегося внимания к сексуальной гармонии. В браке сексуальность не сводится к удовлетворению физиологической потенции, а призвана

---

[1] См., например: *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971; *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972.

[2] В принципе в таком же направлении описывает эволюцию перераспределения внутрисемейных ролей В. Б. Голофаст. (*Голофаст В.* Порядок распределения функций и напряженность в семье (теоретический аспект). — В кн.: Динамика изменения положения женщин и семья.)

[3] См., например, статью И. Ф. Юнда в книге «Проблемы сексопатологии и бесплодия» (Киев, 1973).

привносить, помимо того, элементы радости и наслаждения в отношения мужа и жены. Поэтому вполне понятно акцентирование внимания медиков на сексуальные отношения и на понимании супругами психофизиологической и эмоциональной специфики противоположного пола.

Не преувеличивая роли этих факторов, все-таки нельзя не признать правоту тех исследователей, которые рассматривают сексуальность как одну из форм общения, взаимодействия индивидов[1]. Ибо само по себе страстное влечение, как показал еще в конце XIX века И. М. Сеченов, в браке проходит в течение 3—4 лет, в силу «закона», по которому «яркость страсти поддерживается лишь изменчивостью страстного образа»[2]. Стало быть, гармонизация супружеской сексуальности действительно оказывает влияние на брачную стабильность, однако опосредованно как специфический вид общения.

Неизменные условия семейного образа жизни, какими бы совершенными они ни были, могут производить на мужа и жену «усыпляющее» воздействие. Именно поэтому способность к адаптации нуждается в контрасте. Такой контрастирующей ценностью и является супружеская автономия. Автономность в этой области выражается в том, что интересы мужа и жены шире семейных, а духовные потребности и круг общения выходят за рамки супружества, их эмоциональная жизнь регулируется не обычаями, традициями и требованиями, но индивидуальными особенностями человека, его глубиной, экзистенциональной структурой.

Неадекватное функционирование хотя бы одной из указанных выше ценностей приводит, на наш взгляд, к супружеской напряженности и нередко завершается расторжением брака. Поясним нашу мысль на примере браков, просуществовавших относительно непродолжительное время.

Статистика разводов, как известно, показывает, что из общего числа ежегодно расторгаемых браков каждый

[1] См., например: *Васильченко Г. С., Решетняк Ю. А.* Опыт исследования межличностных отношений у сексологических больных. — В кн.: Проблемы современной сексопатологии. М., 1972.

[2] *Сеченов И. М.* Рефлексы головного мозга.— В кн.: Избранные произведения. Т. 1. М., 1952, с. 115.

третий приходится на людей, состоящих в нем не более четырех лет. В чем же причина такой неустойчивости молодых семей? Ведь если судить по мотивам заключения браков (как по нашим данным, так и по опросам, проведенным в Эстонии, Литве, Белоруссии), то на первый взгляд нет оснований для возникновения сколько-нибудь значительных конфликтов между мужем и женой. Действительно, в «молодежном» браке[1] супруги «вполне» удовлетворены своими отношениями, при этом их удовлетворенность создается за счет духовной и сексуальной притягательности. Такой брак характеризуется относительной «закрытостью» вследствие полного созвучия супружеских интересов и потребностей. В нем сексуальность выступает как самодовлеющая ценность, личные интересы воспринимаются как супружеские. Короче, любовь слилась с браком. Казалось бы, что «молодежные» отношения представляют собой идеальную модель супружества, однако действительность опровергает такое предположение. На определенном отрезке совместного проживания муж и жена «вдруг» обнаруживают друг у друга «изъяны». Они открывают для себя целый ряд брачных (а не любовных!) потребностей и обязанностей, а также частичное несовпадение внесемейных интересов и круга общения. Это и создает семейную напряженность. В чем же ее первопричина?

Юноши и девушки, составляющие брачную пару, скорее всего выходцы из разных социально-профессиональных слоев, они могли находиться под влиянием различных коллективов (школьных, спортивных и пр.) и воспитываются в различных по своему образу жизни семьях. Все эти общности имеют свою систему нравственных принципов, ценностей и отношений, которые, безусловно, накладывают специфический отпечаток на весь строй мыслей и действий будущих супругов. В силу этого сколько-нибудь полное совпадение представлений о семейной жизни у мужчин и женщин теоретически, очевидно, возможно, но практически обнаруживается довольно редко.

Конечно, и на предыдущих стадиях развития моногa-

[1] Типология брака, характерная для городской семьи, изложена нами в статье «Молодая семья» (См.: Молодежь и современность. М., 1975).

мии возникала напряженность, однако она только в исключительных случаях разрешалась расторжением брака, ибо семья была существенно иной — патриархальной. Для нее было характерно социальное неравенство членов семьи, зависимость от собственника, авторитаризм главы семьи и т. д. Сегодня же в связи с демократизацией брачных отношений их стабильность становится невозможной без согласованности чувств и социально-культурных позиций мужа и жены.

На первых порах совместного проживания физическая и эмоциональная притягательность супругов по отношению друг к другу является достаточным основанием для благополучного протекания брака. Угасание страсти (ее продолжительность — от нескольких месяцев до 3—4 лет — зависит от психофизиологических особенностей и сексуальных навыков мужчины и женщины) может со временем приводить к супружеской напряженности. Дальнейшая судьба индивидуальной семьи целиком зависит от приспособительных (объективных и субъективных) возможностей мужа и жены. И в самом деле, состояние напряженности не может продолжительное время сохраняться в неизменном виде: оно либо снимается усвоением супругами собственно брачных ценностей, либо углубляется, заканчивается разрывом.

Разводы — явление далеко не случайное, их нельзя объяснить только набором поверхностных мотивов: «не сошлись характерами», «пьянство мужа (или жены)», «супружеская измена» и т. д. Рост частоты расторжения браков тесно сопряжен с глубокими изменениями моногамного типа семьи и, в частности, с повышением требований к индивидуальным качествам супругов друг к другу.

Разумеется, объективность конфликтов и разводов вовсе не означает их неуправляемость. Однако эффективность регуляции зависит в том числе и от коренного улучшения всей системы подготовки подростков и молодежи к семейной и брачной жизни. Конкретные пути такой подготовки, к сожалению, до сих пор не отработаны, хотя генеральное направление ясно — это сведение до минимума возможности конфликта между ожиданиями и брачной реальностью. Принципиальное выполнение поставленной здесь задачи немыслимо без научно-ориентированного информационного и воспитательного процесса.

С. Рапопорт

О СИСТЕМЕ НОРМ СЕМЕЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Регулирующая роль социальных норм в репродуктивном поведении зачастую недостаточно учитывается исследователями вопроса. Здесь предпринята попытка фрагментарно охарактеризовать отдельные аспекты этой обширной проблематики. Точнее говоря, рассмотрение связано с социально-символическим восприятием[1] действия социального контроля в сфере семейного поведения.

Рождению ребенка издавна придавался символический смысл. У некоторых племен муж считался чужим до тех пор, пока не рождался первый ребенок. Само существование человека издревле сопровождалось социально-символическим признанием. Вот типичное высказывание французского философа: «Человек не существует пока... кто-нибудь не признает его. Вот почему мы должны рождаться в семье, чтобы существовать на самом деле, потому что тогда рождение является одновременно признанием»[2].

С момента рождения ребенок начинает приобщаться к правилам социальной жизни; в социализации, понимаемой подобным образом, участвуют все компоненты человеческого мира (и в первую очередь спонтанные)[3].

---

[1] Термин «социальный символизм» подчеркивает такое значение человеческого поведения, которое прямо не связано с достижением цели действий и используется тут шире, чем знаковое выражение социальной дистанции, как например, в статье: *Басин Е. Я., Краснов В. М.* Социальный символизм.— «Вопросы философии», 1971, № 10.

[2] *Lacroix I.* Sens dialogy. Warszawa, 1957, s. 47.

[3] Под социализацией в социологии и социальной психологии понимается «весь многогранный процесс очеловечения человека, включающий в себя как биологические предпосылки, так и непосредственно само вхождение индивида в социальную среду» (*Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971, с. 165).

Можно предположить, что социализация идет в направлении создания базы социальной мотивации поведения индивида. Процесс этот можно описать с помощью известного социально-психологического и культурологического противопоставления двух базовых ценностных ориентаций человека: «своего» и «чужого».

Эта пара категорий в целом отражает механизм стихийной и в известной мере управляемой социализации. Процесс приобщения индивида к общности связан с вытеснением эгоцентрической ориентации ребенка через поощрение и развитие в нем ориентации на «своих» — к последовательному расширению диапазона этого «своего» вплоть до отождествления индивида с общесоциальным.

Эта сторона социализации связана со всеобъемлющей ролью человеческого общения; что касается семьи, то здесь поступки ребенка непрерывно соизмеряются с над-индивидуальным, семейно-групповым их восприятием. Именно отражение в психике «символического» значения поступков и действий представляет собой наиболее устойчивый эффект социализации — воспитание социальных чувств. Усвоенный индивидом «код» социализации становится своеобразным камертоном, внутренней инстанцией социального контроля, которая оценивает общественное значение альтернативных поступков.

В ходе социализации ребенка сложившийся свод устойчивых стереотипов[1] социально поощряемого поведения («здравый смысл») вводится в индивидуальную психику с помощью внушения, сопровождаемого ритуалами, табу разного рода, т. е. обычно без разъяснения существа нормы, без рационалистических мотивировок — объяснений требуемых норм поведения. Поэтому детство оказывается этапом самой глубокой внушаемости (таковы, например, ранние запреты, связанные с физиологическими отправлениями организма, негативно

[1] «Ни один человек не в состоянии самостоятельно, творчески реагировать на все встречающиеся в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение». (*Кон И. С.* Психология предрассудка.— «Новый мир», 1966, № 9, с. 188).

оцениваемыми в социальной среде, запреты недержания мочи, проявления сексуальности, запрет «не держи палец во рту» и т. д.).

Системы социальных норм поведения, распределяя «своих» и «чужих» по дозволенности-недозволенности соответствующих действий, одновременно выполняют объединяющую и обособляющую роли. При этом противопоставление «мы — они» оказывается одним из критериев классификации коллективов и групп, выбора типа поведения[1].

Правила поведения по отношению к «чужим» (например, незнакомым) составляют целый свод зачастую неосознаваемых установок; овладение этим языком (в том числе и противоположными правилами отношения к «своим»), языком распознавания повседневных ситуаций по шкале «свое — чужое», и выбора соответствующего поведения, входит в обязательный «ценз» взрослого социализированного индивида. В ходе общественной практики сложилось и оказалось действенным средством психологического объединения и психологической сопричастности людей не непосредственно «всеобщее», а первичногрупповое «свое», родственное, семейное.

Семья осуществляет подготовку ребенка к введению в другие человеческие коллективы, корректируя правила общения с ровесниками и взрослыми «чужими». Система вежливости, например, также регулирующая эти отношения, частично может сниматься в семье, вызывая подчас конфликты в сознании ребенка. Усваивая общекультурные нормы и правила, ребенок иногда обнаруживает в практике жизнедеятельности семьи, что внутрисемейный образец какого-либо поведения одновременно ограничивает действие общепринятого (например, общекультурное поощрение щедрости может столкнуться с требованием «не давай никому велосипед — сломают» и т. п.). Разумеется, направленное воздействие со стороны общественных институтов и спонтанных норм

[1] «Нет такого «мы», которое явно или не явно противопоставлялось бы каким-то «они», как и обратно; «мы» формируется путем взаимного уподобления людей, т. е. через действие психологических механизмов подражания и заражения, а «они» — путем лимитирования этих механизмов, путем запрета чему-то подражать, путем отличения данной общности от других». (*Поршнев Б. Ф.* Принципы социально-этнической психологии М., 1964, с. 6.)

общения вносит коррективы в возможный «группоцентризм» ценностной системы ребенка.

Юность как пора, предваряющая вступление в брак, имеет дело со множеством социальных норм — от табу инцеста до правил ухаживания. Сексуальность, например, допускается только для «своих» — интимно близких людей — еще не родственников, но уже преодолевших дистанцию, разделяющую незнакомцев.

Общество поощряет брачность, нацеливая молодых людей на «парность»: по достижении определенного возраста одинокие юноши и девушки уже оцениваются окружающими как нечто отклоняющееся, неполноценное. Повинуясь не только своим влечениям, но и этому социальному поощрению и давлению, «он» и «она» составляют первичную малую группу —пару влюбленных, пользующуюся поддержкой и новыми возможностями в связи с отменой ограничений, налагаемых на одиноких. Завоевание симпатии и внимания «чужого» человека расценивается как крупный жизненный успех. Действие семейных норм позволяет индивиду закрепить его и большей частью неосознанно наметить очередные цели на пути развития этого успеха, на пути создания брака и семьи.

Социальная регуляция поведения влюбленных и различных форм добрачного ухаживания включает последовательно различные эталоны восприятия другого человека: со сменой этапов «освоения» понравившегося «чужого», превращения его в «близкого» и, наконец, в «своего» — супруга, отца рожденных в семье детей. Эти этапы издревле освящены особой идеализацией и эстетизацией внешности и духовных качеств партнера. Социальная регламентация этих тончайших и вроде бы независимых от общества и общности отношений зиждется на системе норм, укрепляющих, в частности, и ценности «романтической любви».

Поиск и выбор партнера по браку обладает одной из самых высоких степеней свободы выбора. Нормы, регулирующие добрачное поведение молодых людей на «лирической» стадии отношений, заметно отличаются от норм «бытового» поведения.

Особенности «лирического» кода, по-видимому, можно выводить из социальной необходимости в создании и функционировании психологических «приманок»

к браку и семье, к исполнению индивидами тех внутрисемейных ролей, которые служат общественному самосохранению, воспроизводству населения и продолжению рода. Иными словами, социальный контроль намеренно «ослабляется», и в предбрачном поведении возникает как бы ненавязанная мотивация к брачносемейным ролям.

Система норм, поощряющих создание семьи, предписывает индивиду рассматривать семью как естественное развитие и удовлетворение влюбленности (оборотная сторона подобной социальной регуляции — репрессирование внебрачных связей). Торжественным церемониалом заключения брачного союза, завершающим переход к брачным отношениям, общество как бы снимает индивидуальную ответственность с личности за выбор другого человека и санкционирует это, ритуально возлагая ответственность на первичную группу. Публичная присяга, уходящая в глубокие традиции человеческого рода, в наши дни в известном смысле утрачивает символическую эмоциональность, но тем не менее даже современные процедуры оформления брака и свадебного обряда сохраняют значение необычности и сверхличности происходящего события и по-прежнему эмоционально переживаются участниками.

Обряд вступления в брак и перехода к супружеству является вместе с тем символическим признанием социальной зрелости жениха и невесты, признанием их «взрослости», воплощающейся в узаконении данного супружества. За всем этим кроется иная, глубинная и неявно выступающая цель побуждения молодежи к семейственности, к рождению и воспитанию детей. Наблюдаемое сейчас изменение брака и семьи связано также и с выпадением тех звеньев социальной регуляции добрачного поведения, которые прежде сопровождались специальными обрядами: имеется в виду ухаживание, помолвки, обручение и т. п.

Исчезновение этих форм поведения может ослаблять подспудный смысл супружества вообще — рождение и воспитание детей в семье. Изменение форм добрачного поведения приводит к тому, что для молодоженов иногда стремление к браку обусловлено жаждой взрослости, т. е. такого социального статуса, когда снимается запрет на сексуальность и половые отношения легализируются.

При столкновении молодежи с повседневностью семейного поведения зачастую обнаруживается несовпадение нормативных систем лирического и бытового «кодов» социализации. «Домашне-бытовое» поведение как бы не нуждается в приподнятых чувствах и переживаниях; подразумевается, что сам факт перехода к семейной жизни включает регуляторы, заставляющие супругов играть соответствующие внутрисемейные роли. Проявляется это в настоящее время и в том, что в восприятии молодоженов груз бытовых обязанностей начинает перевешивать преимущества супружества, которые так привлекали на добрачной стадии.

Развитие семейно-родственных отношений оказывается формой укрепления структуры общества, так как семья, скрепляя родственными узами «чужих» людей, выступает в качестве фактора межличностной и социально-групповой интеграции. Со «своими» человека связывает кровная связь — высший по престижу тип человеческой связи. (Каждый единичный факт создания семьи, как правило, не сопровождается необходимостью осознания исполнителями семейных ролей всей общезначимости совершенного факта.)

Компенсаторная (психологическая) функция семьи связана с тем, что на территории «своего дома» отменяется действие ряда социокультурных запретов. Нормы внутрисемейного поведения (заметно редуцированные, «заниженные» по сравнению с «полными» нормами поведения на людях) регулируют огромную по своей важности область жизни, носящую так называемый интимный характер. Это быт, туалет, болезни, конфликты, нагота, секс и т. д., т. е. все то, что переводится в лоно семьи и дома. Тем самым эта часть реальности как бы объявляется «несуществующей», на вывод ее за пределы дома наложен запрет. Таковы бытовые эталоны: для «своих» — не выносить сор из избы и т. п., для «чужих» — не видеть и не слышать всего, что происходит за стенами дома (квартиры).

Жестко регулируя внешнее поведение членов семьи, нормативный контроль признает вместе с тем неизбежность отклонения от общепринятых образцов поведения за стенами малой первичной группы — семьи. Ответственность коллективная в этом отношении заметно отличается от ответственности индивидуальной, и, таким

образом, прослеживается роль семьи в поддержании «обратной связи» между личностью и обществом[1] (характерны, например, попытки публицистов возложить моральную вину на семью, из которой вышел несовершеннолетний преступник, в связи с юридической неподсудностью семьи).

Эти особенности семейного поведения можно рассматривать как высокую целесообразность общественно-группового устройства: психологические, компенсаторные функции семьи представляют индивиду интимные возможности иной, чем на людях, формы гуманизации человеческого существования и оказываются в конечном счете социальным поощрением брака и семьи, внося существенный вклад в сохранение самой потребности личности в семье.

Диалектическое противоречие «своей» и «общей» нормативных систем может разрешаться различным образом. Социализация детей в семье закладывает основы тех психологических свойств личности, которые позволяют социализированному индивиду успешно совмещать требования обеих нормативных систем. Степень необходимой гибкости в переходе от одних нормативных систем к другим очень важна для личности в различных социальных ситуациях. К примеру, поведение студентов в аудитории до прихода преподавателя и после может различаться по характеру принимаемых поз, каких-либо движений, жестов, речи и т. д. Редуцированные нормы поведения, допустимые среди «своих» (например, употребление жаргонных слов), оказываются неприемлемыми в присутствии профессора, что говорит о наличии других общекультурных, или «полных», норм.

В психике личности весь диапазон норм имеет два крайних полюса, характеризующих отклонение от допустимого поведения. С одной стороны, абсолютное исполнение «полной» нормы, т. е. стремление «социализироваться» до такой степени, чтобы внутрисемейное поведение ничем не отличалось от поведения на людях (нап-

[1] Влияние первичной группы на индивида многообразно. Как отмечает Л. П. Буева, социальная группа является местом, где формируется «жизненный» опыт, группа (и семья) опосредует и корректирует общественные влияния (см.: *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968, с. 157, с. 165).

ряженность существования, не знающего разрядки даже дома). С другой стороны, склонность вести себя в обществе так же «естественно», как принято дома. Так или иначе переход из «дома» на «люди» и наоборот может сопровождаться стрессовыми эмоциями.

Конечно, общество не остается безразличным к противоречиям нормативных систем. Разрыв между ними оно стремится уменьшить с помощью своих социальных институтов, а также через средства массовой информации (пропагандируются образцы правильного семейного поведения, смягчаются какие-либо запреты, невмешательство в «чужие дела» оценивается как недостойное и т. п.). В случае же преувеличения членами семьи герметичности семейного «бастиона», т. е. когда прямо нарушаются безусловные нормы человеческого общежития, общество применяет соответствующие юридические санкции. На сегодняшний день достижения наук, изучающих семейное поведение, позволяют поставить вопрос о необходимости объективного учета особенностей нормативной редукции. Успешность воспитательной работы зависит также и от того, насколько удастся заранее скорректировать необходимые с точки зрения общественных идеалов нормы с усвоением их сквозь призму «своего».

Создание семьи в социолого-демографическом смысле завершается с рождением детей. В общекультурной системе норм семья приобретает свое социальное значение лишь благодаря этому факту.

В связи с проблемами изучения репродуктивной мотивации важно расшифровать актуальную социальную символику «института» детей. Это требует специального исследования, однако можно сказать, что на «лирической» стадии предбрачных отношений дети явно не фигурируют. По-видимому, для современных молодоженов необходимость детей не вытекает из их любви и сексуального «гедонизма». Однако сам факт заключения брака, предполагающий возникновение новой семьи, требует своего «подтверждения» через рождение ребенка.

Регуляция поведения совершается в основном с помощью социально-психологического механизма «нормальности»: само вступление в брак и рождение первенца означает быть «как все», жить «как всегда» жили. Это

неизбежное проявление существующих норм семейного поведения и норм рождаемости.

Переход к стилю бытового поведения в семье, особенно после рождения первенца, начинает формировать у молодых супругов собственный опыт семейной жизни, в том числе и в отношении детей. Осознание личной ответственности за судьбу рожденного человека и практика семейного воспитания могут вступать в конфликт с гедонистическими устремлениями. Дети как «бремя и обуза», дети как «помеха» — это свидетельство психологических перемен в восприятии людьми наличия детей. Ныне распространение малодетности дает, может быть, наглядное свидетельство отмирания древней символики деторождения. Большое число детей в семье иной раз становится символом социальной зависимости тем, что невольно вызывает сопротивление психики[1].

В связи с высокой разводимостью, и прежде всего среди супругов с весьма значительным стажем семейной жизни, важен тот аспект, который связан с автоматизацией восприятия супругами друг друга в потоке семейных будней и соответственно с повышением привлекательности (новизны, информативности) «чужого». То, что именуется обычно монотонностью семейной повседневности, гнетом однообразия домашнего быта, вероятно, связано с явлением своеобразной гипертрофии «свойкости» в отношениях супругов и говорит о необходимости сохранения известной дистанции («чужести»). Функционирование запрета на внебрачные связи для каждого из супругов является примером контроля над силами, грозящими существованию самой семьи. Нарушение этого запрета не проходит бесследно для само-

[1] Специфика опосредованного проявления социального контроля в сфере семейного поведения подчас воспринимается исследователями как отсутствие какого-либо нормативного регулирования. В области репродуктивного поведения, наиболее подверженной ограничительному действию социокультурных запретов, факты усиления рациональной мотивированности трактуются как противопоставление (отрицание) нормативной регуляции рождаемости. Когда, однако, демографы фиксируют данные эмпирики, они неминуемо отражают моменты социального контроля рождаемости. Так, В. А. Белова в работе «Число детей в семье» (М., 1975, с. 23) цитирует типичное высказывание респондента, прямо свидетельствующее о наличии и силе социально-психологического регулирования детности: «имею троих, так все смеются, говорят, что сама виновата».

чувствия нарушителя этой спонтанной нормы, для его чувства безопасности, не говоря уже о других существенных последствиях.

С глубиной усвоения «кода» семейного поведения связан престиж семьи в обществе. Ориентация вступающих в общественную жизнь индивидов на «общее» (от семейного и узкогруппового до общественного) служит интеграции элементов общественной структуры. С этим связана и проблема моральной регуляции приобщения индивида к общественному: «Если ослабление системы внешнего контроля... — отмечает А. Г. Харчев, — не компенсируется развитием внутренних механизмов самоконтроля поведения, возникает ситуация, которую можно обозначить как „моральный вакуум"»[1].

Тщательная регистрация фактов восприятия людьми символических значений древнейших и новейших нормативных систем увеличивает возможности познания семейных норм и научного управления процессами социализации, призванными в конечном счете формировать гармонически развитую личность коммунистического типа.

---

[1] *Харчев А. Г.* О диалектике процесса воспитания.— «Философские науки», 1971, № 1, с. 5.

В. Сысенко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЫХ СУПРУГОВ

Как общество, так и отдельная личность заинтересованы в укреплении семейно-брачных отношений, в том, чтобы семья могла выполнять свои разнообразные функции, создавая наиболее благоприятные условия для труда и отдыха, способствовала совершенствованию человеческих отношений. От прочности брака в значительной мере зависит успешная жизнедеятельность супругов, здоровое и духовное развитие их детей.

Рождение и воспитание новых поколений тесно связано с устойчивостью семьи. Рождение двух, трех детей возможно, как правило, при условии, что супруги уверены в устойчивости созданной ими семьи. В противном случае женщина чаще всего не желает иметь более одного ребенка.

С ранних лет молодежь готовят к различным сторонам общественной жизни, для чего существует целая система образовательных институтов. По-другому обстоит дело в подготовке к семейной жизни, хозяйственно-бытовым сторонам ее, будущим материнским и отцовским обязанностям. Воспитательная деятельность в этом направлении явно недостаточна. К сожалению, печать, радио, телевидение, литература, искусство слабо, а иногда и противоречиво пропагандируют семью и брак как значительные жизненные ценности. Не случайно, что у некоторой части молодежи складывается не совсем правильное и недостаточно ответственное отношение к браку и семье. Порой юноши и девушки не отдают себе отчета в основных целях и задачах семейной кооперации.

На устойчивость молодой семьи значительное влияние оказывает экономическая подготовленность к браку молодых людей, которая обычно тесно связана с приобретением специальности, самостоятельным заработком,

возможностями супругов материально обеспечить как самих себя, так и детей. Отсутствие такой подготовленности, трудности для молодых супругов в решении многих проблем быта (жилища, обстановки, одежды) нередко являются одной из причин неустойчивости брака уже в его первые годы. В связи с этим, возможно, следует изучить вопрос о системе долгосрочных кредитов для молодоженов. До конца не решенной остается и проблема жилища. Очевидно, нужно изучить и вопрос о единовременной и безвозмездной материальной помощи из фонда предприятий лицам, вступающим в брак.

С точки зрения широкой воспитательной работы важно, по нашему мнению, начать систематическую кампанию, используя печать, радио, телевидение, кино, театр по нравственной и психологической подготовке молодежи к браку и семейной жизни. Брак, семья, дети должны постоянно пропагандироваться как значительные ценности нашего общества. Начинающим семейную жизнь молодым людям необходимо хорошо осознавать свой нравственный долг перед семьей, которую они создают, ответственность за воспитание детей. Нравственная подготовленность к браку призвана оказать положительное влияние на само содержание отношений между супругами.

Особое значение среди проблем устойчивости семьи имеет психологическая подготовленность молодежи к браку, которая самым тесным образом связана с умением приспособиться к привычкам, особенностям характера и натуры другого человека. Она подразумевает усвоение и приобретение умения координировать и согласовывать ритмы труда, отдыха, досуга, половой жизни с супругом. Психологическая подготовленность также означает готовность принять на себя все обязанности, вытекающие из семейной жизни. Молодые люди, вступив в брак, в своих взаимоотношениях совершают много психологических ошибок, которые со временем, по мере их накопления, могут привести к расторжению брака.

Между тем такая важная область знаний, как психология брака, пока еще почти не разработана, хотя ее практические рекомендации необходимы миллионам людей. Сейчас над этими проблемами работают лишь энтузиасты-одиночки. Все еще на стадии пожеланий остаются специальные курсы по психологии семейных взаимоотношений в старших классах средних школ, техникумах и вузах. Кстати, за рубежом они получают все большее распространение: в Венгрии, например, подготовка к семейной жизни начинается в средних школах, в США курсы по семейным отношениям читаются в средних и высших учебных заведениях.

Большой интерес у молодых супругов, да и не только у молодых, вызвала бы публикация определенной литературы. Немногие переводные и отечественные книги о супружестве расходятся очень быстро, и их явно недостаточно. Особенно плохо обстоит дело с литературой по психологии и физиологии половых отношений. Ряд конкретных обследований свидетельствует о сексуальной безграмотности не только молодых супругов, но и лиц, состоящих в браке пять, десять и более лет. А между тем некоторая часть разводов связана именно с сексуальной стороной жизни супругов.

Каждый год в стране распадаются сотни тысяч браков. Причины разводов самые разнообразные. В основе их лежат нарушения межличностных отношений между супругами. Как возникают эти нарушения, как возникает острый конфликт между супругами, как любовь, дружба переходят в открытую вражду? На эти и целый ряд других вопросов призвана была бы ответить психология семейно-брачных отношений, однако такой отрасли психологической науки пока не существует.

Социальные и психологические последствия расторжения брака — большая и важная проблема, касающаяся личного несчастья, неудовлетворенности личной жизнью сотен тысяч людей. Распавшиеся браки — это дети, лишенные одного из родителей, внимания, ласки, теплоты отца или матери.

Психологические проблемы устойчивости семейных отношений касаются также и тех семей, где отношения супругов складываются тяжело, где возникают недоразумения, ссоры и конфликты, которые вносят в их жизнь тревогу, чувство неудовлетворенности.

Говоря о типах взаимоотношений, которые складываются между супругами, прежде всего необходимо ответить на вопрос, а каковы сами супруги, какие внутренние противоречия характерны для них, каких жизненных установок они придерживаются, с какими пред-

ставлениями о семье, семейных обязанностях они вступили в брак?

Молодые люди в той или иной степени усваивают устойчивые модели межличностных отношений своих родителей. Разумеется, во вновь создаваемой семье эти модели и стандарты не копируются полностью, однако их влияние, даже на уровне неосознаваемых поступков, достаточно велико.

Другой аспект влияния родительской семьи — это то семейное воспитание, которое получили супруги в своих семьях. В психологической и педагогической литературе существует хорошо обоснованное мнение, что в психическом формировании и развитии личности ребенка такое воспитание имеет решающее значение, так как основные психические свойства характера и натуры ребенка складываются под влиянием семейной среды. Общеизвестно, что у супругов раздражительных, нервных, беспокойных дети, как правило, также раздражительны и нервны. И дело здесь не только в наследственности, но и в той атмосфере, которая постоянно складывается в семье и которая постепенно закрепляется в психике ребенка. Более того, любые конфликты, которые разыгрываются между супругами на глазах у ребенка, представляют для него травмирующую ситуацию, которая может быть источником повышенной возбудимости, различных неврозов и даже психических заболеваний. Когда ребенок вырастает, эти психические переживания не проходят бесследно. Они в той или иной мере уже закреплены в психике и переносятся на взаимоотношения в молодую семью.

Есть еще и третий аспект влияния прежней родительской семьи. Это касается того, в каких условиях проходило детство, имелись ли братья и сестры в семье. Особые трудности при вступлении в брак могут испытывать люди, которые были единственными детьми в семье. Чаще всего они оказываются в положении «кумира семьи». Такой ребенок хорошо понимает свое особое положение, свои особые (нередко чрезмерные) привилегии и часто злоупотребляет ими. Он привыкает к особому вниманию со стороны окружающих, а это ведет к эгоцентризму, капризности, пренебрежению интересами других членов семьи, повышенной эмоциональности и,

возможно, к развитию некоторых истерических черт характера.

Естественно, что эти черты, сформировавшись, закрепляются и переносятся в новую семью. Разумеется, достигать согласия на равноправных началах с такими установками очень тяжело. Если же оба супруга воспитывались по такому типу «кумира семьи», то установление равноправных взаимоотношений в молодой семье предполагает множество конфликтов, психических напряжений. Совместные согласованные действия супругов, направленные на достижение общих целей, оказываются труднодостижимыми. В психологическом отношении такой брак оказывается неустойчивым.

Итак, недостатки и упущения воспитания в прежней родительской семье могут в значительной степени переноситься во вновь создаваемую семью. Все недостатки воспитания и самовоспитания неизбежно скажутся и выявятся в брачных взаимоотношениях. Поэтому проблема молодой семьи не может рассматриваться в отрыве от общих и частных проблем воспитания детей и молодежи. Поведение супругов тем отличается от поведения одиночек, что оно обязательно является согласованным взаимодействием, основанном на примерно одинаковом понимании жизненных ситуаций, на согласованном подходе к их оценке.

Успешность достижения жизненных целей и задач семьи, кроме всех остальных условий и обстоятельств, зависит от минимума общих представлений о путях, средствах и способах достижения этих целей. Речь, собственно говоря, идет о выработке единого отношения к множеству проблем, которые встают перед молодой семьей. Однако процесс выработки единой позиции — самый сложный психологический процесс. Именно здесь сказываются различия взглядов, потребностей, интересов, ценностных ориентаций супругов, различие их характеров и натур.

Выработка таких общих установок, общего подхода к решению различных семейных проблем происходит в процессе обсуждений, обмена мнениями. Весь прошлый жизненный опыт молодых супругов несет на себе слишком много индивидуального и неповторимого. Он различен. А ведь задача, стоящая перед ними, стоит отнюдь не из легких. Приспособление, или адаптация,

супругов друг к другу как раз и состоит в том, чтобы научиться вырабатывать общее решение, общую готовность действовать в одном и том же направлении. Совместная жизнь супругов требует гибкой координации, согласия относительно взаимных прав и обязанностей, одинакового понимания взаимных ролей.

Брак создает для молодоженов совершенно новую жизненную ситуацию, но как часто молодые люди болезненно, нервозно воспринимают определенные ограничения личной свободы, необходимость координировать свои поступки с желанием другого человека, считаться с его настроениями, планами и т. д. Вступая в брак, они, к сожалению, не всегда представляют себе обязанности мужа и жены, не готовы перестроить свой образ жизни соответственно новым обязанностям.

Молодые люди чаще всего воспринимают брак с точки зрения тех ожиданий и идеальных представлений, которые они сами создали. Оба ожидают, что совместная жизнь будет интересной, содержательной, разнообразной, но порой забывают, что с семейной жизнью связано немало трудностей, забот, волнений. Разочаровываются в семье прежде всего те люди, чьи слишком идеализированные ожидания и надежды сталкиваются с бытовыми затруднениями, особенно после рождения первенца. Утрата иллюзий дается нелегко. Обычно виновником крушения надежд психологически воспринимается другой супруг. И только стойкость, терпение, взаимное желание обоих супругов помогут устранить эти препятствия.

Мир в семье, семейное счастье, во многом зависят от такого прекрасного качества характера, как терпимость. Быть терпимым — это значит признавать индивидуальность другого человека. Однако вместо терпимости некоторые молодые люди, вступая в брак, мечтают «перевоспитать» другого по своему образу и подобию. Желание «перевоспитать» лишь свидетельствует о каком-то чувстве превосходства (чаще лишь мнимого!) и оскорбительно для другого, оно больно задевает его чувство собственного достоинства.

Всем хочется быть счастливыми в семейной жизни. Но счастье — не только удачное и случайное стечение обстоятельств. Счастье молодые супруги должны строить сами.

М. Сонин

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «СЛУЖБЫ БРАКА»

XXV съезд КПСС определил разработку эффективной демографической политики в качестве важной задачи советской науки. Выполнение этого указания требует глубокого, всестороннего подхода к проблемам народонаселения, в том числе особо важно, применяя достижения демографической науки, вскрыть резервы, которые, не требуя от общества больших материальных затрат, дадут значительные практические результаты. Одним из таких резервов может стать повышение эффективности брачности населения (увеличение удельного веса лиц, состоящих в браке, и уменьшение процента разводов).

Подходя к браку как социальной норме современного образа жизни в социалистическом обществе, необходимо прежде всего поставить вопрос: в какой мере нынешнее отношение к браку соответствует интересам общества и индивидуума? С этой точки зрения определенный интерес представляет разработка материалов переписей населения СССР в 1959 и 1970 гг. об удельном весе и численности мужчин, не вступивших в зарегистрированный брак. По данным переписей эти показатели на 1000 человек мужского населения составили следующие величины:

Возраст, лет	1959 г.	1970 г.	1970 г. в % к 1959 г.
25—29	200	228	114
30—34	78	113	145
35—39	47	67	145
40—44	38	54	142
45—49	37	48	130

Приведенные данные дают основание сделать вывод, что фактическая «норма» не вступивших в брак мужчин в значительной степени отклоняется от идеальной, кото-

рая, по нашему мнению, должна представлять величину, близкую к общей численности мужчин в соответствующем возрасте (за вычетом той части, которая не сможет вступить в брак в связи с какими-либо недостатками, и той части, которая временно не состоит в браке).

При рассмотрении причин появления неблагоприятной тенденции уменьшения удельного веса мужчин, вступающих в брак, в условиях все большего выравнивания демографического соотношения между численностью мужчин и женщин необходимо отметить тесную связь между количеством неженатых мужчин и разводами, которые в последние годы значительно увеличиваются. В 1950 г. было зарегистрировано в расчете на 1000 человек населения 11,6 брака и 0,4 развода, т. е. разводы составляли величину 3,4%, а в 1975 г. количество браков снизилось до 10,7, число же разводов, наоборот, возросло до 3,1, т. е. составило 26%.

Главное, но не единственное социально-экономическое зло, причиняемое разводами обществу, заключается в так называемом «недопроизводстве» детей. Имеются вполне надежные и убедительные данные о том, что рождаемость в неблагополучных брачных союзах снижается еще до их официального распада, а во вновь образуемых брачных союзах компенсация в этом смысле весьма невелика. Распавшаяся семья теряет, таким образом, при разводе значительную часть возможности иметь детей.

Надо, однако, заметить, что рождаемость падает и в «благополучных» семьях.

В последние два десятилетия общий уровень рождаемости в стране резко снизился: в 1950 г. в расчете на 1000 человек населения число родившихся составляло 26,7 человека, а в 1975 г. — лишь 18,1. Если взять более «тонкий» показатель повозрастной рождаемости, то увидим следующую картину: в 1958—1959 гг. число родившихся на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет составляло 88,7, а в 1974—1975 гг. — 67,8 человека; в возрасте 25—29 лет соответствующие показатели составляли 164,8 и 133,5; в возрасте 30—34 лет — 110,1 и 77,9; в старших возрастных группах это падение еще больше.

По нашему мнению, одним из факторов, вызывающих снижение общего уровня рождаемости, нужно считать уменьшение коэффициента брачности при одновременном увеличении коэффициента разводимости, наметившихся в стране за последние два десятилетия.

Рассмотрим вначале некоторые основные причины, которые обусловливают увеличение количества разводов. Очевидно, на первом месте здесь стоит возрастание экономической самодеятельности женщин, что является следствием улучшения общего материально-культурного благосостояния населения. Мужчины же не приспособились к новым условиям и ведут себя традиционно, т. е. их поведение, как правило, вовсе не учитывает этого нового фактора или учитывает лишь незначительно.

Другим житейским «обручем», который ранее объединял в браке людей, уже не могущих или не желающих жить друг с другом, была жилищная проблема. Решение ее, хотя и не в полной мере, облегчило разводы. Правда, до сих пор имеется немало случаев, когда последние совершаются и по противоположной причине — нет необходимых жилищных условий. К сожалению, это чаще всего относится к молодым семьям, которые нередко распадаются из-за недостатка жилья, вынуждены проживать в общежитиях, в одной квартире с родителями и т. д.

Причины сокращения брачности как среди мужчин, так и женщин в нашей экономико-демографической литературе почти не исследовались. Среди них на первое место, как нам представляется, следует выдвинуть причину, которую можно сформулировать как уменьшение «потребности в детях»[1]. Поскольку дети рождаются преимущественно в браке, то уменьшение потребности в них приводит и к уменьшению потребности в браке.

Современная демографическая политика требует оптимизации уровня брачности, в частности повышения уровня брачности мужчин в возрасте 25 лет и старше. В этой связи необходимо подчеркнуть, что выравнившееся соотношение численности мужчин и женщин, хотя и является наиболее благоприятным фактором, далеко не решает проблемы оптимизации этого соотношения

[1] Более подробно этот вопрос рассматривается в статьях: *Антонов А. И., Борисов В. А.* Наше счастье в детях. — «Труд», 1975, 12 дек.; *Сонин М. Я.* О некоторых аспектах изучения закономерностей движения населения и демографической политики.— В кн.: Демографическая политика. М., 1974.

в браке, поскольку существует целый ряд факторов, внеэкономического порядка (юридического, психологического и т. д.), действующих в обратном направлении. К их числу необходимо прежде всего отнести алиментную безответственность мужчин за состояние в фактическом браке.

Другим негативным явлением, связанным с недостаточно оптимальным уровнем брачности является текучесть среди работающей молодежи из-за невозможности найти в непосредственном окружении жену или мужа. В настоящее время текучесть кадров в промышленности составляет примерно 20% общей численности работников. Свыше половины ее приходится на молодежь. По нашей экспертной оценке, принимаемой многими экономистами, отсутствие возможности вступить в брак составляет 10% общего объема текучести среди молодежи. Потери народного хозяйства по этой причине исчисляются в 700 млн. руб. ежегодно только по заработной плате увольняющихся. Если же учесть стоимость прибавочного продукта, создаваемого ими, то эта сумма увеличится примерно до 1,1 млрд. руб. в год[1].

Народнохозяйственные потери, вызываемые текучестью рабочей силы, особенно среди молодежи, из-за отсутствия возможности найти избранника в данном месте работы, а также «недопроизводство» населения в результате значительной доли холостяков среди молодых людей является уже само по себе достаточно веским аргументом в пользу создания «службы брака» (об этом см. далее).

Не менее важны и социально-экономические аспекты будущей жизни супругов. Взять, например, вопрос об отношении к домашнему хозяйству. Если будущий супруг не умеет, а того хуже, еще и не любит им заниматься, то вряд ли можно ожидать, что он будет вести его даже в самые трудные дни, скажем, при возвращении из родильного дома матери с новорожденным, когда на нее падает особенно большая физическая и эмоциональная нагрузка. Между тем из-за неправильного воспитания в детстве, а иногда и в результате «перевоспитания» в более позднем возрасте, мужчины нередко считают все

[1] См.: «Московский комсомолец», 1976, 10 янв.

дела по дому, в том числе и воспитание детей, относящимися только к компетенции и обязанностям жены, «Служба брака» способствовала бы переоценке такого устаревшего и в корне неправильного мнения среди мужчин.

Выше упоминалось об оптимизации брачных отношений. Под этим подразумевается создание таких условий (объективного и субъективного порядка), при которых отношения между супругами развивались бы наиболее оптимальным образом. Именно это является конечной целью «службы брака», хотя на первоначальном этапе ее существования невозможно разрешить все противоречия, особенно объективного порядка. Тем не менее некоторые вопросы в подборе оптимальных и субъективных условий для будущих супругов могут уже сразу решаться с помощью такой службы.

Это относится, например, к оптимизации различий в возрасте супругов. Диапазон различий в молодых возрастах имеет тенденцию к сближению в пользу женщин с переходом к превышению возраста женщины, вступающей в брак, по сравнению с мужчиной, что представляется обоснованным, исходя из явлений акселерации молодежи и большей длительности жизни женщин. Ведь в настоящее время средняя продолжительность жизни женщин на 10 лет больше, чем мужчин. Это важное обстоятельство, однако, когда вступают в брак, редко вспоминают об этом. Необходимо как можно быстрее ликвидировать малограмотность будущих супругов в демографических и социально-гигиенических вопросах.

Оптимизации брачных отношений способствовало бы и устранение традиции приоритета мужчины в выборе супруги, равноправие мужчин и женщин в выборе супруга. Возможность и необходимость смены указанной традиции опирается на все большую эмансипацию женщин, на их растущую экономическую, социальную и психологическую независимость, самостоятельность.

Еще один важный аспект, обязательный для изучения «службой брака», — здоровье будущих супругов. Сейчас вступающие в брак, как правило, не знают даже нынешнего, не говоря уже о прошлом, здоровья друг друга. Никаких объективных данных ни о генетике, ни о приобретенных заболеваниях у них нет. Даже такой, казалось бы, сверхважный фактор, как резус-фактор кро-

ви, который определяет возможность иметь детей в браке, как правило, друг другу не известен.

Существует еще целый ряд вопросов субъективного значения (или, можно сказать, биосоциального в аспекте демографии), которые предстоит разрешать «службе брака». Но в какой форме?

Брачное бюро? Хорошо известна точка зрения, что такое заведение внесет в сугубо интимное дело некий расчет. Однако в социалистическом обществе нет социальных причин, которые мешают браку как союзу по любви и взаимным интересам. Почему же не создать учреждение, которое поможет встретиться людям. Ведь бюро — всего лишь форма, а старую форму можно наполнить новым содержанием.

Проблема общения, проблема поиска единомышленников и «единочувственников», если так можно назвать ищущие друг друга родственные души, как показали многие авторы, не случайно стала одной из острых проблем современного общества. С подъемом интеллектуального уровня, развитием личности и ее разнообразных интересов и склонностей растет и требовательность человека к его окружению. Человека перестает удовлетворять случайное окружение, дарованное ему рождением или судьбой, он ищет общения, духовного и душевного, с «себе подобными». Такому общению мало, а часто и вовсе не помогает скопление многих людей в большом городе и даже в одном учреждении, на предприятии или даже в том месте, где люди собираются повеселиться.

Вспомним, что в жизни встреча будущих супругов чаще всего происходит именно с помощью посредников: знакомых, друзей, родителей и даже свах, которые себя таковыми не считают, но фактически ими являются. Все это, по сути, эрзац брачного бюро на мануфактурном что ли уровне, в основе которого лежит случайность.

Вполне естественно, что прежде, чем возникает даже «самая случайная» любовь, молодые люди (и не очень молодые тоже) должны как-то познакомиться. Обычно мы представляем себе, что молодежь знакомится там, где она (или, вернее, он и она) учится или работает. Однако статистические исследования показывают, что это далеко не всегда бывает так. По данным А. Г. Харчева, только 21% молодоженов знакомятся на работе, т. е. имеют возможность, как правило, основательно узнать друг друга, познакомиться не только в праздничной, но и в будничной обстановке. Но для 52% вступающих в брак знакомство носит более или менее случайный характер: на танцах, на вечеринке у знакомых, в доме отдыха, турпоходе и т. п. Отнюдь не утверждая, что созданные после этого браки страдают большей непрочностью, чем при других формах знакомства, обратим лишь внимание на один факт: все эти знакомства так или иначе связаны с развлечениями, отдыхом.

Однако есть немало молодых людей, которые редко или почти никогда не бывают там, где может подвернуться «случай». К тому же многие из них работают и учатся в специфических «мужских» или «женских» учреждениях, предприятиях. Немало и таких людей, у которых затруднения связаны с возрастом (иногда и не очень солидным, во многих местах 26—28 лет считаются пределом, после которого на танцы уже не пойдешь) или в связи с особенностями характера и какими-либо чертами личности (застенчивость, близорукость и т. п.). Помочь им найти себе друга жизни — дело чрезвычайно важное.

Казалось бы, для этого достаточно создать клубы, кафе и другие общественные места отдыха, где люди молодого и среднего возраста могли бы встречаться и знакомиться. Недостатка в таких предложениях нет, разговор об этом шел и в печати. Однако и теория, и практика показывают, что клубы не решают проблемы, и даже не помогают ее решить, так как эта форма общения недостаточно коммуникабельна даже при очных встречах. Кроме того, эти клубы не помогают решать и проблему неравномерного состава мужского и женского населения в разных городах и селах, они не могут помочь познакомиться «родственным душам», разделенным расстояниями.

Практика показывает, что люди пытаются как-то преодолеть эти расстояния. Например, некоторые молодые шахтеры Кузбасса приезжают в отпуск в текстильные центры страны, в течение двух-трех недель, а то и меньше знакомятся, делают предложение, регистрируют брак и увозят молодую жену в Кузбасс. Понятно, такие экспресс-браки таят в себе некоторые опасности,

к тому же подобные знакомства возможны далеко не всегда, не везде и, главное, не для всех.

А между тем существует средство, которое может помочь знакомству людей между собой, вне зависимости от того, будут ли это предполагаемые супруги или просто люди, желающие иметь друзей и знакомых в других местах нашей обширной страны. Средство это — знакомство и переписка по почте.

Но для того, чтобы люди, желающие познакомиться с интересным для них человеком, возможно, будущим другом или супругом, сделали это, не хватает лишь одного звена, не хватает ниточки, по которой могут найти этого друга. Этой ниточкой и должна быть, по нашему мнению, служба знакомств, которая при определенных обстоятельствах по желанию обоих партнеров превращается в «службу брака». При соблюдении определенных условий (анонимность, сохранение тайны переписки, внимательное отношение к запросам) такое учреждение могло бы принести немалую пользу и стало бы настоящим помощником для многих тысяч людей, пока лишенных счастья человеческого общения в семье. Возможно, оно помогло бы и более широкому распространению браков не только в городах и селах со смешанным населением, но и в других местах.

Проблема установления брачных отношений актуальна не только для молодежи, но и лиц старшего возраста. В нашей стране женщин на 18 млн. больше, чем мужчин, и перевес идет главным образом за счет старших возрастов — от 35 лет и старше. Но женщина в любом возрасте не теряет права на личное счастье, на семейную жизнь; и здесь встает не менее важный вопрос, затронутый выше: где могут встретиться «он» и «она», желающие вступить в брак? На работе, где человек проводит большую часть своего времени, женщины чаще сталкиваются с чисто женским обществом, а мужчины — с мужским. Современная дифференциация и интеграция процесса труда приводит к тому, что в нем нередко принимают участие лица одного пола и различного возраста. И по другим линиям поле неформального контакта сужается. Следовательно, снова приходится полагаться на случай.

Изложим некоторые соображения о форме организации «службы брака». Не предлагая каких-то готовых

рецептов, напомним, что уже есть интересный опыт, накопленный в ряде социалистических стран: Чехословакии, ГДР, Венгрии, Польше. В Чехословакии, например, есть брачное бюро, которое выпускает газету, помещающую за небольшую плату объявления, или принимает карточки в самом бюро от желающих вступить в брак. При этом необходимо кратко перечислить основные данные, которыми обладает потенциальный партнер и которые хотелось бы видеть в избраннике.

Стоит, пожалуй, вспомнить и о нашем негативном и позитивном небольшом опыте в попытке решения проблемы «службы брака». Весной 1967 г. в академгородке г. Новосибирска по инициативе группы социологов (руководителем ее был канд. ист. наук Л. В. Малиновский) был организован клуб «Дружба». Его целью было знакомить друг с другом людей со сходными интересами и запросами, где бы они ни жили и ни работали. Он работал полтора года.

Каковы результаты этого эксперимента? Что показала практика такого «организованного общения»? Однозначного ответа на эти вопросы не может быть дано. Мы так же далеки от восторженного одобрения, как и от огульного отрицания первоначальной идеи. Предположения, что клуб получит массовый приток желающих приобрести новых друзей, не оправдались — число членов клуба едва перевалило за сотню. Но в то же время не было недостатка ни в положительных отзывах ученых и других авторитетных лиц, ни в благодарственных письмах членов клуба.

К началу сентября 1967 г. клуб насчитывал 100 членов, в том числе 26 мужчин и 74 женщины. Преобладание интеллигенции в клубе вызывалось не столько склонностью ее к письменному общению, сколько ограниченностью возможностей распространения известий о клубе. Печать почти не поддержала клуб; его помощниками, кроме газеты «За науку в Сибири», были лишь редакция «Литературной газеты», пожертвовавшая немногими адресами заинтересованных в проблеме читателей, и «Ульяновская правда», поместившая информацию о клубе. Как раз эта публикация показала, что интерес к клубу есть: из Ульяновской области пришло 35 писем от медицинских работников, шоферов,

6 Заказ 1426

геологов и т. д., больше половины их авторов стали членами клуба.

Что же давало членство в клубе часто очень далеким друг от друга корреспондентам — от Камчатки до Прибалтики (в 30 городах СССР)? Прежде всего возможность познакомиться с интересным для него человеком, индивидуально подобранным по интересам и склонностям, — это не так уже мало! Для 20 из 100 это уже стало реальностью, после предварительной переписки они получили адреса и письма от новых друзей. Почему только 20, а не 50 или 70? Дело в том, что одним из основных принципов организации клуба было познакомить человека только согласно его собственным пожеланиям и только с теми, кто напишет. Но далеко не все имели четко выраженные запросы, а, главное, они часто не всегда совпадали с теми сведениями, которые были в «запасе» клуба. Кроме этого мешало, конечно, и различие по полу и возрасту, «сдвиг» в составе старших возрастов, вызванный войной, мешала и новизна, непривычность самого дела.

За полтора года работы клуба никаких отрицательных результатов (обид, жалоб и т. д.) не наблюдалось, в письмах были только благодарности и пожелания успеха. К сожалению, эксперимент закончился слишком быстро и не дал поэтому ответа на вопрос: мог бы он развиться в массовое явление на основе государственной или хозрасчетной организации? Однако из практики работы клуба можно сделать вывод, что организация подобного типа вполне возможна. Она находит отклик в определенных слоях нашего общества и вызывает у большинства знакомых с ней положительную реакцию. При более широкой информации и большем размахе дела такая организация, по-видимому, будет в состоянии решать и задачу службы брака.

Стоит сказать и о более современном эксперименте подобного типа, но в другой форме — в форме клуба очного знакомства. Такие попытки имеют место в настоящее время в Ленинграде, где клубы знакомств создаются при дворцах бракосочетаний. Опыт показал, что те, кто приходит в эти клубы чтобы познакомиться, чувствуют себя стесненно, неловко, и цель не достигается, так как при этой форме «хозяином» остается тот же «случай». Неэффективность клубов очного знакомства подтверждается и нашими подсчетами, согласно которым участник встречи в клубе знакомств сможет найти своего «избранника» только в том случае, если на вечер будет приглашено... около 60 тыс. человек. Очные встречи в клубе знакомств с расчетом на совпадение необходимых требований не реальны. Эта нереальность подтвердилась ленинградским опытом.

Время от времени появляются негативные высказывания о брачных объявлениях. Однако критике подвергается, как правило, не содержание таких объявлений, а сам факт их появления. Однако анализ сотен таких объявлений, помещенных, например, в газетах ГДР, заставляет нас прийти к выводу, что они отнюдь не носят меркантильного или безнравственного характера. Среди людей, давших эти объявления, немало таких, которые жизненными обстоятельствами поставлены в условия, затрудняющие знакомство и брак «обычным путем».

Организация «службы брака» требует, однако, большой предварительной работы, подбора умных, культурных и тактичных сотрудников, затраты известных средств, которые, впрочем, быстро окупятся. Будущее «службы брака» и в том, что она явится консультативно-просветительной организацией, которая будет не только помогать созданию новых семей, но и раскрывать все вредные социальные и биологические последствия безбрачия перед нежелающими вступить в брак, которых, как мы видели, немало.

И наконец, последнее. Порой, возражая против создания брачных бюро, утверждают: знакомство через брачное бюро убьет-де поэзию и романтику случая, именно нечаянного и непредвиденного, без которого любовь не любовь! Но люди, которым повезло, которых столкнул счастливый случай, конечно, не станут обращаться к содействию брачного бюро. Несомненно, что люди средних лет, овдовевшие мужчины и женщины, старые холостяки скорее предпочтут обратиться туда, чем молодежь, которая может встретиться на танцплощадке, легче вступает в контакт в кино, театре и т.д. Обстоятельства усугубляются тем более, что примат в выборе принадлежит обычно одной — мужской стороне. Так что «служба брака» была бы, на наш взгляд, полезна как для молодой, так и для старшей категории населения.

И. Каткова

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ БРАКА

Распространение внутрисемейного регулирования рождаемости вызывает необходимость оценки способов осуществления его в семье с точки зрения влияния на состояние здоровья супругов, в особенности женщины, имеющегося и будущего поколения детей. Изучение социально-гигиенических аспектов этого процесса стало одной из основных целей специальных обследований когорт семей в первые годы брака, выполненных в 1965—1975 гг. кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения 1-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова в Москве, Тамбове, Алма-Ате, Вильнюсе и Софии (НРБ)[1].

В основу формирования изучаемой совокупности было положено 6 признаков: единый срок вступления в брак, состояние в первом браке для обоих супругов, возраст вступления в брак (оба супруга не старше 29 лет), длительность брака (в Москве — 5 лет, в Тамбове — 4 года, в Вильнюсе — 6 лет, в Алма-Ате — 7 и Софии — 10 лет)[2], местожительство и национальность. Были обследованы: 400 семей в Москве, 400 семей русских и 400 семей казахов в Алма-Ате, 500 семей в Вильнюсе,

[1] Обследования проводились под руководством и при участии автора статьи, их результаты частично опубликованы (См.: *Каткова И. П.* Рождаемость в молодых семьях. М., 1971; *Каткова И. П.* Некоторые социально-гигиенические особенности регулирования рождаемости в молодых семьях. — В кн.: Комплексное изучение состояния здоровья населения Тамбовской области в связи с Всесоюзной переписью населения 1970 года. Тамбов, 1973, с. 50—59; *Кравченко Н. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования рождаемости в семьях русских и казахов. Автореферат канд. дис. М., 1973; *Мачененс Л-Р. М.* Некоторые медико-социальные аспекты рождаемости. Автореферат канд. дис. Вильнюс, 1974; *Гранчарова Г. Г.* Медико-социальные аспекты формирования семьи в первые 10 лет брака. Автореферат канд. дис. М., 1973).

[2] Различная длительность брака в обследованиях обусловлена рядом обстоятельств в связи с трудностями отбора изучаемой сово-

600 семей в Тамбове и 500 семей в Софии. Кроме того, по такой же методике[1] проведено обследование в Остраве (ЧССР), основные результаты которого изложены в монографии В. Винничука и Ю. Шрачека[2].

В обследованиях проводилось параллельное изучение комплекса признаков, связанных с деторождением: исходы беременностей в зависимости от ее порядкового номера прото- и интергенетические интервалы рождения, соотношение фактического и ожидаемого числа детей в семьях с учетом имеющейся у женщин кратности беременностей и искусственных абортов.

Как показали материалы исследований, за первые 5—7 лет брака в 90—98% обследованных семей родился первый ребенок. Может показаться, что проблемы первого ребенка нет, и что необходимо сосредоточить внимание и усилия на проблемах, связанных с рождением вторых детей, которых с удивительным постоянством желают иметь в своих семьях от 53 до 60% супругов. Однако фактически число семей, имеющих двух детей в сравнении с желаемым, меньше среди москвичей и тамбовчан практически в 4 раза, среди литовцев почти в 2 раза, среди русских, проживающих в Алма-Ате, более чем в 1,5 раза, что обусловлено различиями в сроках рождения первых детей. К третьему году супружеской жизни от 17 до 29% молодых женщин в Москве, Вильнюсе, Тамбове и 32% в Софии еще не имели детей; на четвертом году около 7% женщин родили первого ребенка, на пятом году — 2—3%. Это свидетельствует о том, что немалая часть молодоженов длительное время регулирует процесс деторождения сразу после вступления в брак.

Об этом же свидетельствуют и результаты анализа одной из важнейших характеристик детородной функции женщин — срока наступления и исхода первой беременности. Она после первых двух лет брака в когор-

купности: изменения территориальных границ городских районов (Алма-Ата); выкопировки сведений о заболеваемости супругов и детей в медицинских учреждениях (Тамбов); сравнения ряда данных по Москве и Софии.

[1] Подробнее о ней см.: *Серенко А. Ф., Каткова И. П., Кравченко Н. А., Гранчарова Г. Г.* К методике изучения социально-гигиенических аспектов рождаемости когорт молодых семей. — «Советское здравоохранение», 1973, № 6, с. 9—15.

[2] *Wynnyczuk V., Scácek J.* Mlada Rodina i Prumyslovi Oblasti. Praђa, 1975.

тах молодых женщин в Москве, Софии, Тамбове и среди русских в Алма-Ате наступила у каждой десятой — двенадцатой женщины, среди казашек — у каждой двадцатой. Причем в обследованиях по Тамбову, Вильнюсу и Алма-Ате отмечено, что в последние годы более половины молодых супругов уже на первом году брака используют различные контрацептивные средства, частота использования которых наибольшая среди супругов с наиболее высоким уровнем образования. Так, среди литовских женщин, имеющих среднее и ниже среднего образование, первая беременность наступила в первые два года супружества у 78%, в то время как в группе женщин с более высоким уровнем образования только у 63,5% женщин.

Полученные данные в обследуемых городах (за исключением семей казашек в Алма-Ате) подтвердили установленную ранее в исследовании по Москве зависимость сроков рождения первых детей от уровня образования женщин: число женщин, не имеющих детей к третьему году брака в 2—2,5 раза больше среди лиц с более высоким уровнем образования.

Темпы формирования семьи в первые годы брака в значительной степени характеризуют протогенетические интервалы. В исследовании в Тамбове среди супругов, имеющих среднее образование, протогенетический интервал составил 11,6 месяца, а с высшим образованием — 14,9. Планирование сроков рождения первенцев отражается и на желаемых супругами протогенетических интервалах, которым они следуют в жизни. Только 15,3% обследованных в Вильнюсе семей считают, что для молодой пары желательно иметь ребенка на первом году брака (большинство ответивших подобным образом составили женщины, вступившие в брак в возрасте 25—29 лет), для 32,3% семей желаемый протогенетический интервал составлял 1—2 года, для 33,3%—2—3 года, для 14,7%—3—4 года и для 4,45%—4 года и более.

Как отмечает Р. И. Сифман[1], в семьях, где первенцы родились раньше, быстрее появляются и вторые дети. Данные по Вильнюсу подтверждают это. Для семей, имеющих одного ребенка, средний протогенетический интервал был 22,5 месяца, а для семей, имеющих 2—3

[1] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.

детей, составил 12,5 месяца. В тех семьях, где первый ребенок родился до 6 месяцев после заключения брака, в среднем имеется по 1,52 ребенка, а у тех, где протогенетический интервал был 4 года и более, в среднем имеется один ребенок. В обследованной когорте в Вильнюсе средний интергенетический интервал между рождением первенца и второго ребенка составил 3 года, а по Латвийской ССР — 3 года и 3 месяца[1].

Анализ материалов по Тамбову показал, что в семьях, имеющих одного ребенка, только 10,74% считают желаемым интервал между рождением первого и второго ребенка до 2 лет, в то время как среди семей, имеющих двоих детей, так считают 50,0%, в то же время 41,8% первой группы семей и 25,6% второй группы полагают, что интервал может быть свыше 5 лет.

На 100 семей, имеющих одного ребенка и желающих иметь двух, 33,1% считают возможным интервал между первым и вторым рождением от 2 до 5 лет, 55,6% — свыше 5 лет, в то время как среди семей с двумя детьми, которые достигли желаемого числа детей, так полагают соответственно 14,7 и 29,4%. Но 29,4% супругов ответили, что интергенетический интервал мог бы быть больше; 15,2% семей, имеющих одного ребенка, не высказали мнения о желаемых интервалах.

Таким образом, различия в темпах рождения первых детей обусловливают последующие различия в частоте рождения вторых детей, а следовательно, и в темпах формирования желаемого размера семьи.

Следует отметить, что у лиц с высшим образованием в последующие годы повышается показатель частоты первых родов, который за первые 4—6 лет компенсирует указанные выше различия в первые 2 года брака.

Интересно отметить, что молодожены регулируют время рождения первого ребенка даже тогда, когда первая беременность наступила против их желания.

Вполне возможно предположить, что частота искусственного прерывания первой беременности как бы отражает интенсивность процесса регулирования рождаемости в зависимости от степени урбанизации обследуемых районов. Наиболее активно осуществляется это супру-

[1] См.: *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости, М., 1973.

Таблица 1

Характеристика женщин обследуемых когорт по исходу первой беременности, отсутствию беременностей и детей в семьях (на 100 обследованных женщин)

Место проведения исследования когорт молодых семей	Длительность брака, в годах	Прервали первую беременность искусственным абортом	Не имели беременностей	Не имели детей
Москва	5	20,9	4,3	9,8
София	10	16,1	2,0	4,0
Вильнюс	6	10,2	4,9	6,2
Алма-Ата:				
когорта русских	7	11,2	2,0	4,0
когорта казашек	7	7,6	2,0	3,2
Тамбов	4	11,2	3,0	5,8
Караганда*	5	4,4	0,8	3,8

* Изучение проведено среди когорт семей, сформированных по тем же признакам и принципам, как и в рассматриваемых обследованиях (См.: *Чуйкина Е. И.* Влияние некоторых социально-гигиенических и экономических условий на генеративную функцию молодых женщин. Автореферат канд. дис. Алма-Ата, 1974).

гами с увеличением уровня образования или среди женщин с незаконченным высшим или средним специальным образованием. Среди когорты литовских женщин первая беременность закончилась абортом у 11,2% среди тех, кто на протяжении первых лет брака проходил обучение в вузах и техникумах, и только у 6% работающих в этот период.

Однако в обследовании по Вильнюсу и Тамбову среди женщин с наиболее низким уровнем образования в тех случаях, когда они планируют продолжать обучение в дальнейшем, также увеличивается завершение первой беременности искусственным абортом.

Материалы обследования молодых семей Алма-Аты показали, что в то время как процесс регулирования рождаемости у русских женщин начинается в основном после рождения первенца, он наиболее выражен у казашек, начиная со второй беременности. Это, вероятно, связано с их большей ориентацией на трехдетные семьи. На каждые 100 семей казахов, где женщины имеют высокий уровень образования (первая группа), 28 человек ответили, что ожидаемое число в их семьях может достигнуть трех детей, а среди казашек со средним и ниже уровнем образования (вторая группа) — 44. В

то же время в группе русских женщин с аналогичным образованием (соответственно) только 3,6 и 9,0% придерживались такого же мнения.

У казашек различий в частоте наступления второй беременности не отмечается, но женщины первой отмеченной выше группы в 60 случаях из 100 прервали ее абортом, а во второй группе этот показатель равнялся 43 на 100. Это является еще одним доказательством того, что у населения, ранее отличавшегося высокой рождаемостью, тенденция к снижению сначала проявляется в более свободных от традиций многодетности образованных слоях, постепенно распространяясь и на другие группы.

Большое внимание было уделено комплексному изучению влияния уровня образования и материально-жилищных условий жизни семьи в первые годы брака на процесс деторождения. При этом необходимо отметить, что, анализируя влияние дохода и жилищных условий семьи, уровня образования и характера занятости супругов на планирование и отношение к деторождению, тем самым подразумевалась возможность выявления характера взаимоотношений, особенностей формирования социально-психологической общности и взаимопонимания между супругами, степени брачной гармонии, жизненных идеалов и целей, умения, желания и возможности использования тех или иных контрацептивных средств.

Особенностью проведенных исследований является разработка комплексной балльной системы оценки влияния жилищных условий, а также материально-жилищного уровня жизни семьи на показатели, характеризующие деторождение[1]. Эта система включала количественную оценку (в баллах): а) характера жилья (собственный дом, квартира или дом родителей) — коммунальная или отдельная квартира, общежитие или частная квартира; б) благоустройства квартиры (наличие или отсутствие водопровода, канализации, газа, горячего водоснабжения, ванны, душа, центрального отопления

[1] См.: *Каткова И. П., Кравченко Н. А.* Методика комплексной оценки материально-жилищных условий жизни в связи с проблемой рождаемости. — В кн.: Динамика изменения положения женщины в семье. Материалы XII Междунар. семинара по исследованию семьи. Ч. II. М., 1972, с. 79—86.

и др.); в) обеспеченности жилой площадью на одного члена семьи (в м²).

Наряду с жилищными условиями одним из главных факторов, определяющих социально-экономический статус семьи, является ее бюджет. Поэтому система комплексной оценки жилищных условий была дополнена сведениями о материальной обеспеченности семьи: среднемесячный доход на одного его члена, выраженный в баллах. С целью получения обобщающей характеристики материально-жилищных условий семьи были проанализированы всевозможные сочетания групп по уровню дохода с группами по уровню жилищных условий.

Благодаря комплексному рассмотрению влияния ряда важнейших социально-экономических факторов на рождаемость было установлено, что высокий уровень образования супругов оказывает сдерживающее влияние на процесс деторождения лишь в тех семьях, в которых он сочетается с наименее благоприятными материально-жилищными условиями. Причем это находит выражение в планировании меньшего размера семьи, более частом прерывании искусственным абортом первой беременности, приводящим к увеличению протогенетического интервала и более позднего рождения первенца. Так, в когорте алма-атинцев среди супругов с высшим и незаконченным высшим образованием при хороших материально-жилищных условиях на первом году брака родилось 70% первенцев и только 48,0% — в аналогичных семьях с худшими условиями. Средняя величина протогенетического интервала составила соответственно 14,6 месяца в первой группе и 18,4 — во второй. В когорте тамбовчанок среди лиц, проживающих в наименее благоприятных условиях, искусственное прерывание беременности в расчете на 100 женщин встречается в 12,8 случая, а у тех, кто проживает в более благоприятных условиях, — 4,3.

Искусственное прерывание первой беременности оказывает неблагоприятное воздействие на дальнейшую генеративную деятельность женщин. Это проявляется в снижении способности к зачатию, стойком или относительном бесплодии, в склонности к самопроизвольным выкидышам, а также в осложнениях во время беременности и после родов. По данным Р. К. Игнатьевой, первородящие, имеющие в анамнезе искусственные аборты, имеют показатели недоношенности в 2 раза большие по сравнению с первобеременными, показатель недоношенности, отмечает автор, наибольший при первых родах, особенно у женщин старше 30 лет[1].

Нельзя не учитывать того, что с возрастом матери повышается и частота хронических заболеваний. По данным Л. И. Куриленко, И. М. Волкова, М. С. Есикова, с увеличением возраста женщины общий показатель осложнений беременности и родов, а также частота отдельных форм патологии повышаются: на 100 первородящих женщин, родивших в возрасте 28—29 лет, частота осложнений родов составила 29,7 случая, а в возрасте 30—39 лет — 39,5[2].

Наши исследования подтвердили точку зрения Р. Пресса[3], что в современных семьях существует более тесная связь между плодовитостью и продолжительностью брака, чем между плодовитостью и возрастом женщин, так как большинство имеет малодетную семью с одним или двумя детьми. Подобная точка зрения нивелирует важнейшее медико-социальное значение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка.

В целом по стране в 1972 г. на 1000 женщин 25—29 лет было 47,3 первых детей, что значительно выше уровня 1970 г. (35,7); 30—34 лет — 10,6; 35—39 лет — 4,4; 40—44 лет — 0,9 и 45—49 лет — 0,1[4].

Важно также, что, по данным Л. И. Куриленко и других, среди детей с хроническими заболеваниями выявлены связи этой патологии с экстрагенитальными заболеваниями матери или патологией родов. У женщин с высшим и незаконченным высшим образованием, регулирующих сроки рождения первого ребенка, при неблагоприятных условиях жизни, с использованием контрацептивных средств или искусственных абортов

---

[1] См.: *Игнатьева Р. К.* Вопросы статистики недоношенности. М., 1973.

[2] См.: *Куриленко Л. И., Волкова И. М., Есикова М. С.* О медико-социальных основах охраны здоровья матери и ребенка. — «Советское здравоохранение», 1975, № 10, с. 27—39.

[3] См.: *Пресса Р.* Народонаселение и его изучение. М., 1966, с. 195.

[4] См.: *Игнатьева Р. К., Мурашова Л. Л.* Особенности динамики рождаемости в СССР. — В кн.: Современные теоретические и организационные проблемы советского здравоохранения. М., 1975, с. 50—56.

создается более высокая степень риска неблагоприятного течения и исхода беременности и родов, которые в дальнейшем могут в свою очередь быть факторами, сдерживающими деторождение.

Обследования показали, что в современных семьях наибольшая интенсивность деторождения характерна для первых пяти лет брака. По материалам обследования в Тамбове 41% семей уже считали свою семью полностью сформированной, в Алма-Ате — 61,2% русских и 66,9% казахских. В Тамбове 54,1% семей, имеющих одного ребенка, желали бы иметь еще одного, а 10%, имеющих двоих, — еще третьего. Интересно отметить, что 6,7% семей с двумя детьми считали, что им лучше было бы иметь 1 ребенка. Аналогичные закономерности отмечены и в исследовании по Вильнюсу и Софии.

Гармоническое сочетание роста уровня образования, культуры и материально-жилищной обеспеченности семей в первые годы брака может способствовать не только достижению молодыми семьями желаемых размеров, но и рождению детей в оптимальных условиях, необходимых для здоровья матери и ребенка. Доказательством эффективности таких мер могут служить данные когортного обследования в ЧССР[1].

В связи с изложенным представляется интересным анализ распределения обследованных женщин по кратности беременностей, родов и абортов, так как это позволяет охарактеризовать закономерности и интенсивность детородной функции женщин в первые годы брака.

Обращает на себя внимание факт, что для обследуемых женщин в Москве, Тамбове характерно, что число женщин, имевших две беременности, в 2 раза превосходит число женщин с двумя родами. В исследовании по Тамбову повторные беременности имели 75,2% женщин, а повторные роды 15,0% в отличие от данных по Алма-Ате, где, наоборот, в 1,5 раза среди русских и в 3 раза среди казашек больше число женщин, имевших двое родов, чем такое же число беременностей.

Среди казашек с 3 и более беременностями было 77,6% женщин, а имевших 3—4 родов было 18,4%, т. е. в 4,2 раза меньше. Следовательно, ряд женщин активно используют аборт для достижения желаемого размера

[1] *Wynnyczuk V., Scácek J.* Mlada Rodina i Prumyslovi Oblasti.

семьи и соблюдения желаемых сроков рождения детей. Причем наибольшую выраженность этот процесс имеет у русских женщин, проживающих в Алма-Ате, а также у казашек.

Отличительную особенность составляют литовские женщины, у которых число женщин с двумя беременностями почти равно числу женщин с двумя родами, а различия особенно велики между числом женщин, имевших три и более беременности (32,0%) и трое родов (1,8%), а это показывает, что в этой совокупности семей особенно регулируется число третьих детей.

Изучение причин существующих различий в этом явлении показало, что в Вильнюсе только 8,7% обследованных женщин вступило в брак в возрасте до 20 лет, в то время как, например, в Тамбове — 35,8%. Эти различия объясняют и разницу в

Таблица 2

Характеристика женщин обследованных когорт по фактическому и ожидаемому числу детей и числу абортов в первые годы брака
(на 100 обследованных)

Фактическое и ожидаемое число детей, число абортов	Москва			Тамбов			Вильнюс			Алма-Ата: среди русских			Алма-Ата: среди казашек		
	Характеристика деторождения														
	фактическое число детей	аборты	ожидаемое число детей	фактическое число детей	аборты	ожидаемое число детей	фактическое число детей	аборты	ожидаемое число детей	фактическое число детей	аборты	ожидаемое число детей	фактическое число детей	аборты	ожидаемое число детей
0	9,9	26,0	0	5,8	28,5	0,5	6,2	56,0	2,2	4,0	18,2	34,0	3,2	23,9	16,9
1	77,2	28,0	43,0	79,2	32,2	31,3	63,3	22,2	41,3	64,0	24,5		29,6	21,6	
2	12,9	32,0	53,5	15,0	26,8	59,1	28,7	12,7	53,3	29,0	25,0	59,8	48,8	20,4	51,0
3	—	14,0	3,5	—	12,5	9,1	1,8	9,1	3,2	3,0	32,3	6,2	18,4	34,1	32,1

уровне образования: 56,9% литовских женщин имели наиболее высокий уровень, тогда как такой же уровень среди тамбовчанок имели лишь 30,7%. В Тамбове при вступлении в брак 80,6% семей проживали в удовлетворительных и наименее благоприятных материально-жилищных условиях, в то время как в Вильнюсе число таких семей было равно 44,9%, что и способствовало более быстрым темпам рождения не только первых, но и вторых детей.

Проведенные исследования (табл. 2) показали, что в когорте семей в Москве (53,5%), Тамбове (59,1%), Вильнюсе (53,3%) желали в своих семьях иметь двоих детей, но реализация намеченных планов в отношении деторождения, как было отмечено выше, в значительной степени связана со сроком рождения первого ребенка, который, в свою очередь, зависит от наличия благоприятных материально-жилищных условий жизни молодой семьи с самого начала ее становления.

В сравнении с ожидаемой численностью вторых детей их фактическое число в семьях москвичек и тамбовчанок было меньше в 4 раза, а у литовских женщин и среди русских, проживающих в Алма-Ате, только в 1,5—2 раза. Среди казашек число семей, имеющих троих детей, было почти в 2 раза меньше в сравнении с желаемым. В то же время среди обследованных 34,1% имели три аборта. Число женщин, произведших два аборта, среди москвичек и тамбовчанок составило 26,8—32,0%.

Таким образом, значительная часть возможных в будущем вторых или третьих родов будет происходить на фоне предшествующих абортов, что может неблагоприятно сказаться на течении беременности и родов, а в ряде случаев и на состоянии здоровья детей. Но нужно отметить, что среди обследованных когорт семей в целом от 42% женщин в Алма-Ате до 78,4% в Вильнюсе в первые годы брака не имели абортов или произвели один аборт (см. табл. 2). Важной социально-гигиенической особенностью регулирования рождаемости является установление в обследованиях по всем городам зависимости числа абортов от уровня образования: она везде наименьшая у женщин с более высоким уровнем образования, за исключением женщин казахской национальности. Число абортов у них, наоборот, выше у женщин с высшим образованием (227,6 на 100 женщин, против 198,9 у женщин со средним образованием).

Анализ влияния ряда социальных факторов на детородную функцию женщин в Алма-Ате показал, что выявленное снижение числа случаев абортов по мере улучшения материально-жилищных условий семей наиболее устойчиво только у женщин с высшим образованием (обе национальности). Особый интерес представляет изучение влияния возраста вступления в брак на детородную функцию женщин.

Интересная закономерность отмечена среди молодых женщин в обследовании по Тамбову: женщины, вышедшие замуж в возрасте 25—29 лет, имеют максимальное (19,4%) число вторых родов в сравнении с женщинами, вступившими в брак в возрасте моложе 20 лет (13,9%). Это не соответствует данным других авторов, считающих, что между указанными признаками существует обратная связь. Такое противоречие, вероятно, связано с тем, что при анализе всегда учитывается только возраст вступления в брак женщины. В условиях же регулирования деторождения отношение супругов к срокам рождения и числу детей зависит от возраста и социального статуса, достигнутого каждым супругом. Поэтому при анализе целесообразно учитывать возраст вступления в брак, уровень образования, особенности характера занятости обоих супругов.

В анализе брачной плодовитости особый интерес представляет изучение распространения бездетных семей. Обследование когорт семей (см. табл.1) в первые годы брака показало, что оно в 50% случаев связано с болезнью одного из супругов и имеет первичный характер, но в остальных 50% случаев является вторичным бесплодием, связанным с нарушением детородной функции. Среди бездетных семей 98—99% супругов отмечают, что рождение ребенка в их семьях будет желанным событием.

Таким образом, одна из важнейших задач демографической политики, по нашему мнению, должна заключаться в создании оптимальных условий для обеспечения желаемого размера семьи в первые годы брака. Особое внимание следует уделять социально-психологическим, экономическим и медико-социальным проблемам в связи с рождением первого ребенка в семье.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

Рецензент *Э. К. Васильева.*
Редактор *Л. Л. Щербакова.* Мл. редактор *И. Ю. Кателевская.*
Корректоры *Г. В. Хлопцева, Н. П. Сперанская*
Техн. редактор *К. К. Букалова.* Худ. редактор *Н. А. Володина.*

ИБ № 258

Сдано в набор 24/I 1977 г. Подписано к печати 24/V 1977 г. Формат бумаги 84×108 1/32. Бумага № 3. Объем: 3 печ. л. Уч.-изд. л. 5,17. Усл. п. л. 5,04. А 08028. Тираж 50 000 экз. (Тематич. план 1977 г. № 58). Заказ № 1426.
Цена 30 коп.

Издательство **«Статистика»**, Москва, ул. Кирова, 39.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.